

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

Рассказы

БЕДНЫЕ ЗЛЫЕ ЛЮДИ
В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ
Моби Дик рассказ из повести "Возвращение"
НОЧЬ НА МАРСЕ
ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ПЕРВОМ ПЛОТУ
Песчаная горячка
СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
ШЕСТЬ СПИЧЕК

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ШЕСТЬ СПИЧЕК

1

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

- Сложное дело, товарищ Леман. Да, странное дело.
- Не нахожу, - сказал директор института.
- Не находите?
- Нет, не нахожу. По-моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном. У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора в праве касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. "Вникает, - думал он со злостью. - Все ясно, как шоколад, - но вникает!"

- А мне вот не все ясно, - сказал инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

- Простите, товарищ Рыбников, - сказал он. - У меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

- Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... "личным лаборантом". Горчинский, кажется?

- Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. "Легковат, голубчик, - подумал он. - Ладно, дойдет очередь и до тебя".

Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд действительно все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за "Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга". Андрей Андреевич Комлин производил на себе опасные эксперименты и уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистую круглую голову, покрытую странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова: "Сильнейшее нервное истощение. Поражение центров памяти. Поражение речевых и слуховых центров..."

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Ясно, что неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников здесь ни при чем. Ясно, что

нарушения правил безопасности - во всяком случае, в общепринятом смысле - не было. Ясно, наконец, что Комлин проводил опыты над собой втайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, "личный" комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет совсем другого мнения.

Инспектора интересовало другое. Инспектор не был только инспектором. Чутьем старого научного работника он чувствовал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия, и, перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, инспектор убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. С появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своевременно не обратили внимание те, кому это следовало сделать, и это привело в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов. Это продолжалось несколько дней. Затем Комлин неожиданно покинул свою келью, совершил, как обычно, обход лаборатории, произвел три публичных разноса, подписал бумаги и засадил заместителя писать полугодовой отчет. На другой день он вновь заперся в "нейтриннике", прихватив с собой на этот раз лаборанта Александра Горчинского.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, "потрясший основы медицины" доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрелся наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из "нейтринника" выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, "роняя шкафы", кинулся к лабораторной аптечке. Выхватив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в "нейтринник", захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то, вероятно кровью. Вечером Комлин и Горчинский тихо вышли из "нейтринника" и, ни на кого не глядя, прошли прямо к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана грязным бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом. Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были "какие-то заплесневелые", и Веденееву захотелось немедленно удалиться. Но уходить так сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

- Читаете, Андрей Андреевич?

- Читаю, - сказал Комлин. - Ши Найань, "Речные заводы". Очень интересно. Вот, например...

Веденеев по молодости лет знаком с китайской классикой почти не был и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу, сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка смущенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу ("один раз, мельком"), кивнул и сказал:

- Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Хуань-чжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хэ Чжэня и Се Бао, и как некто "Коротколапый тигр" Ван Ин и его супруга "Зеленая"... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не

перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву.

Закончив, он спросил:

- Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захохотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал, что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако упоминание Веденева о встрече в уединенной аллее Комлин встретил таким искренним изумлением, что Веденеев, замаявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

В тот вечер Комлин - веселый, остроумный, как никогда - показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки - Лена, Дуся и Катя. Девушки остались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загипнотизировать, но все отказались, и Андрей Андреевич рассказал анекдот о гипнотизере и хирурге. Потом он сказал:

- Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь, Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмуря брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

- Вот это легкие! - сказала Дуся с уважением. От нее до Комлина было шагов десять, не меньше.

Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

- Неужели вы задуваете носом? - поразила Дуся.

А Комлин сорвал платок, захохотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса: ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол ("Опять вы дуете..." - неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказал, как это делается. Но Комлин вдруг стал серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

- Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, - робко сказала Катя.

- Записывайте, - странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: - Четыре, восемь, один... - тут голос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: - Семь - один - четыре - два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), волоча ноги вернулся в "нейтринник" и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич сосчитал правильно: если читать названные им цифры справа налево, то получится произведение - два миллиона четыреста семнадцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав ему через дверь спокойной ночи. Наутро Комлина отвезли в госпиталь.

Итак, "легальным" результатом трехмесячной работы Комлина была "нейтринная акупунктура" - метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был необычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтринной акупунктуре имела раненая рука Комлина? А необычная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

- Скрывал, от всех скрывал, - пробормотал инспектор. - Не был уверен

или боялся подставить товарищей под удар? Сложное дело. Очень странное дело!

Щелкнул видеофон. На экране появилось лицо секретарши.

- Простите, товарищ Рыбников, - сказала секретарша. - Товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

- Пусть войдет, - сказал инспектор.

2

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубаше с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными волосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плешь (или даже две плечи, как показалось инспектору), - фигура двигалась в кабинет спиной. Прежде чем инспектор успел удивиться, обладатель клетчатой рубашки, продолжая пятиться, сказал: "Пожалуйста, Иосиф Петрович", - и пропустил в кабинет директора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клетчатой рубашки и странных манер было украшено короткими, но весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, "личный лаборант" Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

- А вы... - начал инспектор.

- Спасибо, - прогудел лаборант и сел, упершись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми недобрыми глазами.

- Горчинский? - спросил инспектор.

- Горчинский Александр Борисович.

- Очень приятно. Рыбников, инспектор УОТА.

- Очень рад, - медленно, растягивая слова произнес Горчинский.

- "Личный лаборант" Комлина?

- Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показалось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

- Так, - сказал Рыбников. - Над какими вопросами работали последние три месяца?

- Над вопросами нейтринной акупунктуры.

- Подробнее, пожалуйста.

- Есть доклад, - веско сказал Горчинский. - Там все написано.

- А я все-таки попросил бы вас поподробнее, - сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор - инспектор, багровея, Горчинский, шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

- Извольте, - прогудел он. - Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом.

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле....

- Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма, дифференциального декремента и кривых лабиальности в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с яростью подумал: "Ну, погоди ты мне!.." Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

- А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? - спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский взглянул на свои руки, лежащие на подлокотниках кресла, исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами, и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

- Обезьяна ободрала, - сказал он сквозь зубы. - В виварии.

- Вы делали опыты только над животными?

- Да, я делал опыты только над животными, - сказал Горчинский, чуть

выделяя "я".

- Что случилось с Комлиным два месяца назад? - инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами.

- Не помню.

- Я вам напомним. Комлин порезал руку. Как это случилось?

- Порезал - и все! - грубо сказал Горчинский.

- Александр Борисович! - предостерегающе сказал директор.

- Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

- Вы меня удивляете, Горчинский, - медленно сказал он. - Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать.

Инспектор презрительно усмехнулся и бросил блокнот на стол.

- Вы будете говорить?

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем сила этого неторопливого упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал, наконец, ни на кого не глядя:

- Что вы хотите узнать?

- Что такое нейтринная акупунктура? - сказал инспектор.

- Это идея Андрея Андреевича, - устало проговорил Горчинский. -

Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой - лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя...

- А методика? - спросил инспектор.

- Череп животного выбривается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки, точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

- Очень интересно, - совершенно искренне сказал инспектор. - И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

- Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не нервная стимуляция, а что-то еще, несравнимо более мощное. Но он не успел... Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Отравление, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

- Рак?

- Да. Ожоги... Возможно даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизирующие силы организма огромны, и ключ к ним - в коре. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

- Нейтринная акупунктура, - медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: - Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его?

- Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

- В "нейтриннике"?

- Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Все...

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. "Так-так", - отстукивал директор, глядя в окно.

- А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

- Не знаю, - глухо сказал лаборант. - Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из

одного спички были высыпаны...

- Постойте, - инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского. - Спички? Спички... При чем здесь спички?

- Спички, - повторил Горчинский. - Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежало шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

- Спички, - пробормотал инспектор. - Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

- Нет, - ответил Горчинский.

- Вот и сотрудники ваши рассказывали... - Инспектор задумчиво потер рукой подбородок. - Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то вопросами, помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

- И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

- Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду до того, как он показывал вам свои фокусы?

- Нет, - сказал Горчинский. - Не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да, Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтринная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу в тайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она тоже связана с нейтринным облучением. Все.

- Кто-нибудь, кроме вас, знал об этом? - спросил инспектор.

- Нет. Никто не знал.

- И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

- Нет.

- Свободны, - сказал инспектор. - Можете идти.

Горчинский поднялся, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины - не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа, тихонько покачиваясь, принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Из него вылез пилот в сером комбинезоне, легко прыгнул на асфальт и пошел к зданию института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. "На заправку ходил", - рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

- А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

- Нет, - ответил директор. - Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

- Директор сказал негромко:

- Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

- Нет, - возразил инспектор. - Не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нормального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... Досто-ойный ученичок Комлина.

- Люди любят свое дело, - сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора.

- Плохо они его любят, - сказал он, - по старинке, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире. Мы даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легкомысленно транжириrete людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

- Я...

- Когда, наконец, прекратится это безобразие?

- Это первый случай в нашем институте, - сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

- В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях?

Комлин - это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискафы, в реакторы на критических режимах... - он с трудом усмехнулся. - Ищут кратчайшего пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин - восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насупился.

- Бывают обстоятельства, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

- Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

- Между прочим, - сказал вдруг директор, не глядя на собеседника, - я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

- Разумеется, - сказал инспектор.

- Только, - директор слабо улыбнулся, - в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что, и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попытаюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

- Только не возлагайте на меня больших надежд, - поспешно предупредил директор. - Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром среди ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут. Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время! Четвертое поколение коммунистов - смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему неспособны беречь себя, напротив, они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы расходовать этот океан энтузиазма с максимальным эффектом. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире - это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови; во-вторых, сказывался возраст, а в третьих - нога.

- Ноют старые раны, - бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

3

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радостью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, - именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустым столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг: записки, диаграммы, чертежи, рисунки - рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора, иногда останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам. Инспектор слушал, и последовательность и связь событий становились для него все более понятны. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совершенно неясен. Методика получения пучков нейтрино "практической" плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Во-вторых, Комлин многого ждал от этих опытов. Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и

внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они неспособны давать каких-либо изменений в организме, кроме патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело нейтрино, крохотная нейтральная частичка без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, неизвестные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

- Я понял в записях далеко не все, - прервал себя директор, - а кое-чему просто не мог поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыты над животными, Комлин сразу же натолкнулся на идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необыкновенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна - следы туберкулеза, столь обычного для обезьян, живущих в умеренном климате.

Работа с нейтринной акупунктурой развивалась успешно. Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная игла вылечила животных очень быстро; причем хроматография показала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. Игла Комлина в три-пять дней справлялась с нарывами и гнояниками и излечивала туберкулез у обезьян в десятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

На этом этапе, когда Комлин еще не разрабатывал метод лечения, а только доказывал его принципиальную осуществимость, никакой прямой необходимости эксперимента над человеком не было. В своем знаменитом докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, пока еще неизвестных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком - программа осторожная, учитывающая возможные ошибки, предусматривающая постепенный переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся. Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайное возрастание целебных сил организма - важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но "любимцы", над которыми производились многочисленные и разнообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя Генератор) обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: ходил на задних и даже на передних лапах, "здоровался", и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правильные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразил случай с павианом Корой. Кора сразу после облучения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним "беседовала". Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки не помогали. Кора, отбежав в противоположный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль - сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: "Скорее! Скорее!" - и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего страшного не

было, но и сторож и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно фантастического. По их словам, они застали гамадрила в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае в камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

- Вот что Комлин написал по этому поводу, - сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: "Массовая галлюцинация? Или иное? Массовая галлюцинация с участием гамадрила - сама по себе вещь удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем - обезьянами и собаками - ничего не узнаешь. Надо самому".

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал, что Комлин уже не занимается нейтринной акупунктурой.

- К сожалению, - продолжал свой рассказ директор, - в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно поистине поразительных результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычайной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он записал: "Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на страницу книги, чтобы затем прочесть ее по "изображению", отпечатавшемуся у меня в мозгу. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из "Речных заводов" и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!"

Встречаются среди записей и соображения очень общего характера. "Память, многие рефлексy и навыки, - написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая, - имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлексy, новые навыки. Или не создает, а только вызывает появление опосредствованно. Так было с Генькой, Корой, со мной (мнемогенез - творение ложной памяти)".

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

- Здесь, - сказал он очень серьезно, - ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочесть?

- Читайте, - сказал инспектор.

"Усилием воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокращается мышца, способная передвинуть десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система - это запал в пороховом погребе, мышца - порох, сокращение мышцы - взрыв".

"Известно, что усиление процесса мышления усиливает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я беру интеграл, усиливается поле мозга, смещается стрелка прибора, улавливающего и измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле - мышца мозга". "Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю - сказать не могу. Считаю, и все. $1919 \cdot 237 = 454803$. Считаю в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но это совсем не то. Электромагнитное поле резко усиливается, а другие поля, если они существуют? Мышца развита. Но как ею управлять?"

"Получается. Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от

начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже нечто. Режим генератора..."

- Я говорил с Горчинским, - сказал директор, закончив чтение ряда цифр. - Сегодня ночью он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез: видимо, Комлин разобрал его.

"Психодинамическое поле - мышца мозга - работает. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс - очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать. Мышцу мозга нужно научить сокращаться. Вопрос - как? Интересно, ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу. Спичку и бумагу - всегда вправо. Металл - к себе. Лучше всего обстоит дело со спичками. Почему?"

"Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы действовать на предмет, мне надо видеть его. Воздух (насколько я понимаю) начинает в точке приложения поля двигаться турбулентно. Гашу свечу. Расстояние в пределах "нейтринника", по-моему, не играет роли".

"Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходима только тренировка и определенная активация. Придет время, и человек будет считать в уме лучше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочитать и усвоить целую библиотеку..."

"Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками".

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмурившись и думал о том, что когда-нибудь эти идеи принесут свои плоды.

Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. "...С этим зверьем - обезьянами и собаками - ничего не узнаешь. Надо самому", - прочитал он. Может быть, Комлин прав?

"Нет, Комлин не прав. Не прав дважды. Он не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института, потому что не понимаете этого и, кажется, завидуете Комлину. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не пустим. В наше время вы, ваши жизни дороже, чем самые грандиозные открытия".

Вслух инспектор сказал:

- Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастия понятна.

- Да, причина понятна, - проговорил директор. - Комлин надорвался, пытаясь поднять шесть спичек.

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковыляющей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину - это было трудно ему.

- Андрею Андреевичу значительно лучше, - негромко сказал Горчинский в широкую спину инспектора.

- Знаю, - сказал инспектор, усаживаясь, наконец, с довольным кряхтением.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

- Будете писать рапорт? - осведомился Горчинский.

- Буду писать рапорт, - ответил инспектор.

- Так...

Горчинский, шевеля усами, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком:

- Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

- Александр Борисович! - резко сказал директор....
- Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...
- Прекратить, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягкое сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задржав головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатизэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

Моби Дик
рассказ из повести "Возвращение"

К концу октября стада усатых китов и кашалотов начинали миграцию в экваториальную зону. Их принимали малайские и индонезийские базы, а работники Океанской охраны Курильско-Камчатского-Алеутского пояса уходили в отпуск, или занимались любительским патрулированием, или помогали океанологическим и океанографическим экспедициям. Зимние месяцы на северо-востоке - неприятное время года. Это бури, дожди, серое, угрюмое небо и серый, злой океан. Собственно, исправление климатических условий в Беринговом море и южнее не составило бы большого труда: достаточно было бы опустить вдоль дуги ККА несколько сотен мезонных реакторов - стандартных микропогодных установок, какие используются в мире уже полстолетия. Но ни один синоптик не мог сказать, к чему это приведёт. После катастрофы, вызванной на Британских островах попыткой утихомирить Бискайский залив, Мировой Совет воспретил такие проекты до тех времён, когда теоретическая синоптика будет в состоянии предсказывать все долговременные последствия значительных изменений макроклимата. Поэтому зимние месяцы по берегам Берингова моря остались почти такими же в XXII веке, какими были, скажем, в XV веке.

Что касается командира звена субмарин Кондратьева, то он не ездил в отпуск, очень редко ходил в патруль и никогда не предлагал своих услуг океанологам. Как говорили его друзья, Кондратьев тешил свои "родимые пятна капитализма" - предавался зимой безудержной лени. Великолепное овальное здание базы "Парамушир", уходящее на шесть этажей в гранит и возвышающееся стеклянно-стальным куполом на три этажа, располагалось на мысе Капустном. Квартира Кондратьева (кабинет и спальня) находилась на втором этаже, окна выходили на юг, на Четвёртый Курильский пролив. Летом в особенно ясные дни из окон можно было видеть на юго-западе за синей гладью океана белый, как облачко, крошечный треугольник - вулкан Маканруши, а зимой чудовищный силы прибой ляпал в стёкла зеленоватую, пузырящуюся пену. Обстановка квартиры была стандартной. Кондратьев по привычкам и по профессиональному духу был аскетом, и она казалась ему достаточно роскошной. Поэтому он и не пытался как-то обжить и украсить её, только в кабинете над столом повесил полутораметровый клык нарвала, убитого в рукопашной во время подводной прогулки лет пять назад, да завёл самодельную полочку со старыми книгами, взятыми из походной библиотеки "Таймыра".

Кондратьев очень любил свою квартиру. Особенно зимой. Он часами сидел у огромного, во всю стену, окна в кабинете, беспричинно улыбаясь, вглядываясь в бушующие волны. Едва слышно пощёлкивает система кондиционирования, в комнате полумрак, тепло и уютно, возле локтя чашка чёрного кофе, а за окном страшный ураган несёт сжатые массы воздуха, перемешанного с дождём и снегом, вихри солёной воды, и не понять, где кончается воздух и начинаются пенистые гребни волн.

Ещё хорошо было встать среди ночи, чуть-чуть приоткрыть затенённое освещение и чуть-чуть включить Грига или Шумана и покойно слушать тихую музыку и едва различимые шумы зимней ночи. А потом взять с полки потрёпанную книжку автора, которого давно уже забыли на Планете, и не

читать - только вспоминать о далёком прошлом, не то грустя, не то радуясь. Никак не понять, грусть или радость приносили эти часы одиночества, но они приносили счастье.

Зимой многие уезжали. Улетал в Среднюю Азию с женой весёлый Толя Зайцев, на недели пропадал в экспедициях жадный до дела Эдик Свирский, отправлялся в дальние зимние рейсы серьёзный насмешник Макс. Из тех, кто оставался на базе, одни уходили по вечерам в Васильево и там танцевали и веселились до утра, другие сидели по своим квартирам и обрабатывали материалы, полученные летом, занимались исследовательской работой. Сергея Ивановича частенько эксплуатировали - он очень любил помогать. "Слушай Сергей, прости, беспокою тебя... Ты, кажется, был в июне на Зимней банке. У тебя есть данные по солёности воды? Дай, пожалуйста... Спасибо". "Здравствуй, холостяк! Бездельничаешь? Будь другом, помоги труженику - дай твою статистику по зубам верхней челюсти у кашалотов... Вот спасибо, дружище!... Будь здоров". "Сергей Иванович, разрешите... У меня спешная работа, завтра надо передать в Хабаровск... Я боюсь, что не успею, помогите мне посчитать вот это... Поможете? Вот хорошо-то!"

Сергею Ивановичу очень нравилось, что все незанятые люди собирались, как правило, в компании - большие и маленькие. Пёстрые отряды скалолазов, обмотанных вокруг пояса тридцатиметровыми шарфами, карабкались по обледенелым кручам, куда, впрочем, можно было при желании спокойно подняться по тропинкам с другой стороны. Зимние аквалангисты набивались в субмарины и переправлялись через пролив на Маканруши, где дни напролёт бродили по лабиринтам подводных пещер. Из спортивных залов доносились выкрики, топот и буханье мячей. В клубах витийствовали дискуSSIONеры - там в утилитарных целях развития сообразительности и логического мышления обсуждались очень странные вопросы. В музыкальных комнатах, неподвижные, как покойники, возлежали в глубоких креслах ценители нежнейших мелодий. Люди, как правило, чувствовали себя особенно хорошо, когда были вместе.

Некоторое исключение составляли художники, предпочитавшие развлекаться в одиночку. Их чем-то влекло серо-свинцовое однообразие скал, ледяной воды, низкого неба. Большинство из них прямого отношения к базе не имело. Они приезжали на зиму с материка и были необычайно трудолюбивы, но гениальности, по крайней мере, по мнению Кондратьева, не обнаруживали. Иногда они устраивали в коридорах выставки своих этюдов. На выставки сбегался народ, и начинались свирепые споры: должен ли художник писать то, что видит, или то, что он чувствует, или то, что он думает. Был ещё на базе один скульптор, опытный работник Океанского патруля, страдавший, однако, гигантоманией. Он мечтал создать грандиозную статую чего-то такого, и все скалы в окрестностях базы носили неизгладимые следы его вдохновения.

Время от времени база оглашалась непривычным оголтело-весёлым шумом. Это случалось, когда в гости приходили юноши и девчонки с Васильевского рыбного комбината. На комбинате работало шестьдесят человек - двадцать пять операторов, тридцать практикантов и пять кибернетистов-снабженцев, на обязанности которых лежало грузить и отправлять во Владивосток и в Магадан самоходные кибернетические баржи с готовой продукцией. Налаживать управление подводными баржами так, чтобы они без промаха и в назначенный срок приходили в нужный порт, - это была труднейшая и интереснейшая задача, поэтому многие студенты-практиканты склонны были отлынивать от переработки сырья и примазывались к кибернетистам. Молодой народ базы и молодой народ завода были тесно связаны. Обычно внепроизводственная связь осуществлялась на вечеринках в комбинатском клубе, но иногда Океанская охрана приглашала гостей к себе, и тогда на базе начиналось столпотворение.

Явившись на базу, эта толпа сразу рассыпалась кучками по комнатам хозяев. Но двери в пустой обычно коридор были распахнуты, всё наполнялось шумом споров, песнями, музыкой, шарканьем танцующих, веселые компании шатались из комнаты в комнату... Одним словом, было весьма весело. Комнаты были великолепно звукоизолированы, так что весь этот шум и гам никому из <взрослых> не мешал. Первое время Кондратьев запирался в такие <праздничные> вечера, но потом любопытство и зависть

победили, и он стал оставлять свою дверь открытой. И много пришлось ему услышать - и новые странные песни со всех концов света, и яростные споры по очень специальным и по очень общим вопросам, и маленькие локальные сплетни о старших, в том числе и о самом себе, и объяснения в любви, такие же мучительно бессвязные, как и в прошлом веке, и даже звуки поцелуев.

Сразу за дверью комнаты Кондратьева находился узенький тупичок-ниша, которым оканчивался коридор. Кто-то соответственно обставил его: поставил кресла, сосну в стеклянном ящике, повесил газосветную лампу, тусклую и подмигивающую. Эта ниша называлась <ловерс дайм> - <пятачок влюбленных>. Именно сюда приходили в плохую погоду объясняться, строить планы и выяснять подпорченные отношения. Кондратьев вздыхал, стоя на пороге своей комнаты и слушая этот шёпот. Он был отлично виден влюблённым на фоне светлого коридора, но на него никто не обращал внимания, его не стеснялись, как не стеснялись вообще никого из старших. Это его задевало - ему казалось, что сопляки смотрят на него как на мебель. Но однажды он подслушал, что его называли <стражем ловерс дайма>, и он понял, что его просто считают неким негласным судьей и свидетелем, общественной совестью. Впрочем, это тоже было достаточно обидно. Кондратьев захлопывал дверь и подолгу с ворчанием рассматривал в зеркале свою худую коричневую физиономию и ежик жестких волос над широким большим лбом. <Да уж,- уныло думал он старую мыслишку.- Где уж мне...>

Как-то раз случился сильный тайфун, и волны разбили пластмассовую балюстраду, огораживавшую оранжерейную площадку базы. На следующий день по вызову базы с комбината прибыла вся молодёжь и принялась за починку. Старшие тоже приняли участие. Самые ловкие и сильные ребята опускались в люльках со скалы и крепили легкие пластмассовые плиты к камню вдоль обрыва, предварительно размягчив камень ультразвуком. Бури уже не было, но серые ледяные волны накатывались на берег из серого тумана и с ужасным громом лупили в скалы стены, обдавая висящих в люльках потоками брызг. Работали весело, с большим шумом,

Кондратьев взялся крепить размякший, как тесто, камень вокруг оснований балюстрадных плит. Надо было густо намазывать это каменное тесто, как цемент, заглаживать специальной лопаточкой и затем обрабатывать место крепления ультразвуком второй раз. Тогда пластмасса и камень схватывались намертво и плита балюстрады становилась как бы частью скалы. В разгар работы Кондратьев обнаружил, что ему не приходится шарить рукой в поисках инструментов. Инструменты сами попадали в его протянутую руку, и именно те, которые были нужны. Кондратьев обернулся и увидел, что рядом с ним сидит на корточках лаборантка базы Ирина Егорова, Она была закутана в меховой комбинезон с капюшоном и казалась непривычно неуклюжей.

- Спасибо, - сказал Кондратьев.

- Сколько угодно, - сказала Ирина и засмеялась.

Несколько минут они работали молча, прислушиваясь к сварливому спору о природе ядов в молоках кистепёра, доносившемуся от соседней плиты сквозь рёв волн и ветра.

- Вы всё один да один, - сказала Ирина.

- Привычка,- ответил Кондратьев. - А что?

Ирина глядела на него странными глазами. Она была очень славная девочка, только очень уж суровая. Поклонники от неё стоном стонали, и Сергей Иванович тоже её побаивался. Язык у неё был совершенно без костей, а чувство такта было явно недоразвито. Она была способна ляпнуть всё, что угодно, в самый неподходящий момент и неоднократно делала это. Так вот посмотрит-посмотрит странными глазами и ляпнет что-нибудь. Хоть плачь.

- Я хочу давно спросить вас, Сергей Иванович, - сказала Ирина. - Можно?

Кондратьев покосился опасливо. <Ну вот, пожалуйста. Сейчас спросит, почему у меня волосатая спина, - был такой случай прошлым летом на пляже при большом скоплении народа>.

- М-можно, - сказал он не очень уверенно.

- Скажите, Сергей Иванович, вы были женаты тогда, в своем веке?

<Пороть тебя некому!> - с чувством подумал Кондратьев и сказал

сердито:

- Легко видеть, что не был.
- Почему это легко видеть?
- Потому что как бы я мог пойти в такую экспедицию, если б был женат?

Пододошел океанский охотник Джонсон, который три года назад был строителем и сейчас взял на себя руководство работами, покивал одобрительно, погладил Кондратьева по спине, сказал: <О, вери, вер-ри гуд!> - и ушел.

- Тогда почему вы, Сергей Иванович, такой нелюдимый? Почему вы так боитесь женщин?

- Что? - Кондратьев перестал работать. - То есть как это - боюсь?

Откуда это, собственно, следует?

<А ведь и вправду боюсь,- Подумал он. - Вот ее боюсь. Все время привязывается и вышучивает. И все вокруг хохочут, а она нет. Только смотрит странными глазами>.

- Дайте-ка насадку, - сказал он, сдвинув брови до упора. - Нет, не эту, На малую мощность. Спасибо.

- Я, наверное, неудачно выразилась, - сказала Ирина тихо. - Конечно, не боитесь. Просто сторонитесь. Я думала, может быть тогда, в своем веке...

- Нет, - сказал он.

Она и говорила как-то странно.

- Сегодня вечером будем танцевать, - быстро сказала она. - Вы придете?

- Я же не умею, Ирина.

- Вот и хорошо, - сказала Ирина. - Это самое интересное.

Кондратьев промолчал, и до конца работы они больше не разговаривали.

Работа была закончена к вечеру, Затем было много шума и смеха, много плеска в бассейне и в ваннах, и все сошлись в столовой, чистые, розовые, томные и зверски голодные. Ели много и вкусно, пили еще больше - вино и ананасный сок главным образом, затем стали танцевать. Ирина сразу вцепилась в Кондратьева и долго мучила его, показывая, с какой ноги надо выступать под левый ритм и почему нельзя делать шаг назад при правом ритме. Кондратьев никак не мог разобраться, что такое правый и левый ритмы, вспотел, рассердился и, крепко взяв Ирину за руку, вывел ее из толпы танцующих в коридор.

- Будет с меня.

- Еще немножко, - просительно сказала Ирина.

- Нег. У меня уже бока болят от толчков. А что н ног сегодня отдал - счету нет...

Он повел ее по коридору, бессознательно прижимая се руку к себе.

Она молча шла за ним. Потом он вдруг остановился и нервно рассмеялся.

- Купа это я вас веду? - сказал он, глядя в сторону. - Идите, идите, танцуйте,

- А вы?

- А я... это... Да что я, пойду к старичкам, сыграю в го. (1)

(1 Г о - японская игра, разновидность шашек.)

Они остановились посреди коридора, Из раскрытых дверей доносились звуки хориолы, кто-то пел сильным, свободным голосом:

Deep blue sea, baby, deep blue sea.

Deep blue sea, baby, deep blue sea..

Deep blue sea, baby, deep blue sea...

Hit was Willy, who got drowned in the deep blue sea... (2)

(2 В синем море, детка, в глубоком синем море...

Там наш Вилли утонул - в глубоком синем море (англ..))

- Джонсон поет,- тихо сказала Ирина. - Красиво поет Джонсон.

- Да, красиво, - согласился Кондратьев. - Но вы тоже красиво поете.

- Да? А где вы слыхали меня?

- Ну господа, да хотя бы месяц назад, когда ребята с комбината

приходили в последний раз.

- И вы слушали?

- Я всегда слушаю, - уклончиво сказал Кондратьев. - Встану у себя в дверях и слушаю.

Она засмеялась:

- Если бы мы знали, мы обязательно...

- Что?

- Ничего.

Кондратьев насупился. Затем он встрепенулся и с изумлением осмотрелся. Да полно, он ли это? Стоит в коридоре, не зная, куда идти, не желая никуда идти, чегото ожившая, что-то предчувствуя, нему-то странно радуясь... Наваждение. Колдовство. Эта синеглазая тощая девчонка. Праправнучка. Если бы у него были дети, это могла бы быть его собственная праправнучка.

Мимо пробежали юноша и девушка, оглянулись на них, подмигнули и скрылись в открытых дверях. Из дверей сейчас же донёсся взрыв многоголосого хохота. Ирина словно очнулась.

- Пойдёмте, - сказала она.

Кондратьев не спросил куда. Он просто пошёл. И они пришли на <ловерс дайм>. И сели в кресла под пахучей смолистой сосной. И над ними замигала слабая газосветная лампа.

- Сергей Иванович, - сказала Ирина, - давайте помечтаем.

- В мои-то годы... - печально отозвался Кондратьев.

- Ага, в ваши. Очень интересно, о чём в ваши годы мечтают?

Положительно, никогда за свою жизнь Кондратьев не вёл таких разговоров. Он удивился. Он до того удивился, что серьёзно ответил:

- Я мечтаю добыть Моби Дика. Белого кашалота.

- Разве бывают белые кашалоты?

- Бывают. Должны быть. Я добуду белого кашалота и... это...

- Что?

- И всё. Тогда моя мечта исполнится.

Ирина подумала. Затем сказала решительно:

- Нет. Это не мечта.

- Почему не мечта? Мечта.

- Не мечта.

- Ну, мне-то лучше знать...

- Нет. Это... Цель работы, что ли... Не знаю. Вот если бы белых кашалотов не существовало, тогда это была бы мечта.

- Но они существуют.

- В том-то и дело.

Она смотрела на лампу, и глаза её вспыхивали и гасли.

- А раньше... Сто лет назад какая была у вас мечта? Большая мечта, понимаете?

Он стал добросовестно вспоминать.

- Было всякое. Но теперь это неважно. Мечтал... Мы все мечтали достигнуть звёзд...

- Теперь это уже сделано.

- Да. Мечтали, чтобы всем на земле было хорошо.

- Это невозможно...

- Нет, это тоже сделано. Так, как мы тогда мечтали. Чтобы все на Планете не заботились о еде и о крыше и не боялись, что у них отнимут...

- Но ведь это так мало!..

- Но это было страшно трудно, Ирина. Вы тут и представить себе не можете, как это много - хлеб и безопасность...

Да, да, я знаю. Но теперь это история. Мы помним об этом, но ведь всё это уже сделано, правда?

- Правда.

- Вот я и спрашиваю: какая теперь у вас большая мечта?

Кондратьев стал думать и вдруг с изумлением и ужасом обнаружил, что у него нет большой мечты. Тогда, в начале XXI века он знал: он был коммунистом и, как миллиарды других коммунистов, мечтал об освобождении человечества от забот о куске хлеба, о предоставлении всем людям возможности творческой работы. Но это было тогда, сто лет назад. Он так и остался с теми идеалами, а сейчас, когда всё это уже

сделано, о чём он может ещё мечтать?

Сто лет назад... Тогда он был каплей в могучем потоке, зародившемся некогда в тесноте эмигрантских квартир и в застуженных залах экспроприированных дворцов, и поток этот увлекал человечество в неизведанное, ослепительно сияющее будущее. А сейчас это будущее наступило, могучий поток разлился в океан, и волны океана, заливая всю планету, катились к отдалённым звёздам. Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов - коммунисты. <Милые мои десять миллиардов... Но у них уже другие цели. Прежняя цель коммуниста - изобилие и душевная и физическая красота - перестала быть целью. Теперь это реальность. Трамплин для нового, гигантского броска вперёд. Куда? И где моё место среди десяти миллиардов?>

Он думал долго, вздыхал и поглядывал на Ирину. Ирина молча смотрела на него странными глазами, такими странными и чудными, что Сергей Иванович совсем потерял нить разговора.

- Что же это, Ирина, - произнёс он наконец. - Что же, мне теперь и мечтать не о чем?

- Не знаю, - сказала Ирина.

Они смотрели друг на друга - глаза в глаза. Господи, подумал Кондратьев с тоской. Вот, взять её тихонько за руку и погладить тонкие пальцы. И прижаться щекой...

- Сергей Иванович, - сказала Ирина тихо, - мы хорошие люди?

- Очень.

- Вам нравится здесь?

- Да. Очень.

- И вам не одиноко?

- Нет, что вы, Иринка...

Это <Иринка> получилось у него как-то само собой.

- Мне очень хорошо. И Моби Дик... Мне это очень нравится, Иринка,

- Моби Дик. Пусть сначала Моби Дик, а потом видно будет.

- Жаль.

- Ну, что делать, Не великой я мечты человек. Моя звезда - близкая звезда.

Ирина усмехнулась и покачала головой. Она сказала:

- Я не об этом. Я думала, вы одинокий... Я думала, вам тяжело одному... Я люблю вас.

Утром звено субмарин Кондратьева подняли по тревоге. С дежурного вертолета Океанской охраны сообщили, что в стаде кашалотов, идущем на кальмарное пастбище, произошла драка между старым самцом - вожаком стада и одиноком-пиратом. Кашалоты ходят стадами до тридцати голов, старый опытный самец-вожак и старые и молодые самки. Вожак не подпускает других самцов к стаду и изгоняет молодых, а иногда и убивает их, но время от времени стадо подвергается нападению злющего одиноца, которого Океанская охрана называет пиратом. Тогда происходит бой. Океанская охрана всегда старается помочь вожаку. Прежде всего потому, что вожак, как правило, приручен и водит стадо по привычным и известным трассам - к специально организованным пастбищам кальмаров и подальше от трасс миграций усатых китов. Известны случаи, когда одиноец, которому удавалось отделить от стада нескольких самок, вел их прямо в районы китового молодняка и устраивал там кровавую бойню.

Летчик вертолета атаковал одиноца, но вертолет так сильно трепало и противники находились так близко друг от друга, что он расстрелял весь боезапас и попал анестезирующей бомбой только один раз - и не в пирата, а в вожака. Оглушенный вожак перестал сопротивляться. Одиноец быстро добил его, ловко отделил от стада молодых самок и погнал их на юг, в район планктонных полей, где благоденствовали молочные, только что ощенившиеся матки. Вдогонку пирату были брошены два звена субмарин охраны, и еще одно звено готовилось встретить его на дальних подступах к району щена.

Все в этой операции шло с самого начала неудачно. Первое звено, под командой Коршунова, разделилось в пылу погони и потеряло ориентировку. Звено субмарин Кондратьева было сброшено с транспортного турболета - оно должно было попасть в район впереди одиноца и отрезать его от самок, но вследствие ли поспешности или неопытности пилотов

субмарины оказались далеко позади стада. Кондратьев распорядился всем идти на глубине в сто метров и только сам время от времени выскакивал на ходу на поверхность принять радиogramмы с сопровождающих вертолетов.

Погоня продолжалась весь день. Около семи вечера Ахмет, который шел правым ведомым, закричал:

- Вот он! Командир, цель обнаружена, дистанция триста - триста пятьдесят метров, четыре сигнала! Ух, понимаешь, настоящий Моби Дик!

- Координаты? - спросил Кондратьев в микрофон.

- Азимут... Высота с глубины двести десять...

- Вижу.

Кондратьев подрегулировал ультразвуковой прожектор. На экране всплыли и закачались большие светлые пятна-сигналы. Пять... Шесть... Восемь... Все здесь. Семь угнанных самок и сам одинок. Дистанция триста пятнадцать - триста двадцать метров. Идут <звездой>: самки по периферии вертикально поставленного кольца диаметром в пятьдесят метров, самец - в центре и немного позади.

Кондратьев круто повернул субмарину вверх. Надо было выскочить на поверхность и сообщить вертолетам, что стадо беглецов обнаружено. Субмарина задрожала от напряжения, пронзительно завывали турбины. У Кондратьева заложило уши. Он наклонился над приборной доской и вцепился обеими руками в мягкие рукоятки руля, но он не отрывал взгляда от иллюминатора. Иллюминатор быстро светлел. Мелькнули какие-то тени, неожиданно ярко блеснуло серебряное брюхо небольшой акулы, затем - у-эх! - субмарина стремительно вылетела из воды. Кондратьев торопливо отпустил кормовые крылья.

Раз-два! Сильная волна ударила субмарину в правый борт. Но инерция движения и крылья уже подняли ее и перебросили через пенный гребень. На несколько секунд Кондратьев увидел океан. Океан был лилово-чёрный, изрытый морщинистыми волнами и покрытый кровавой пеной. Кровавой - это только на мгновение так подумалось Кондратьеву, На самом деле это были отблески заката. Небо было покрыто низкими сплошными тучами, тоже лилово-черными, как и океан, но на западе - справа по курсу - низко над горизонтом висело сплюснутое багровое солнце. Все это - свинцово-лиловый океан, свинцово-лиловое небо и кровавое солнце - Кондратьев увидел на один миг через искажающее, залитое водой стекло иллюминатора, В следующий миг субмарина вновь погрузилась, зарывшись острым носом в волну, и вновь натужно взвыли турбины.

- Я - Кондратьев, цель обнаружена, курс...

Субмарина неслась, как глиссер, прыгая с гребня на гребень, тяжело шлепая округлым днищем по воде. Бело-розовая пена плескалась в иллюминатор и сейчас же смывалась зеленоватой пузырящейся водой. Быстроходные субмарины Океанской охраны способны передвигаться, как летающие рыбы: вырываться на полной скорости из воды, пролетать в воздухе до пятидесяти метров, снова погружаться и, набрав скорость, совершать новый прыжок. При преследовании и при других обстоятельствах, требующих поспешности, этот способ передвижения незаменим. Но только при спокойном или хотя бы не слишком беспокойном океане. А сейчас была буря. Субмарине так поддавало под крылья, что она подпрыгивала, как мяч на футбольном поле. Притом ее непрерывно сбивало с курса, и Кондратьев злился, не получая ответа на вызовы.

- Я - Кондратьев... Я - Кондратьев... Цель обнаружена, курс...

Ответа не было. Видимо, вертолет отнесло в сторону. Или он вернулся на базу из-за бури? Буря сильная, не меньше десяти баллов. Ладно, будем действовать сами.

Солнце то скрывалось за теперь уже черными валами, то вновь на короткое время выскакивало из-за горизонта. Тогда можно было видеть кроваво-чёрный океан. И бесконечные гряды волн, катившиеся с живым злым упрямством с запада. <С запада - это плохо, - думал Кондратьев. - Если бы волны шли по меридиану, то есть по курсу преследования, мы в два счета по поверхности догнали бы Моби Дика...>

Моби Дик! Пусть это еще не белый кашалот - все равно, это Моби Дик, кашалот, громадный самец в двадцать метров длиной, в сто тонн весом, грузный и грациозный. С тупой мордой, похожей на обрубок

баобабьего бревна, твердой и жесткой снизу и мягкой, расплывчатой сверху, где под толстой черной, шкурой разлиты драгоценные пуды спермацета. С ужасной пастью, нижняя челюсть которой распаивается, как крышка перевернутого чемодана. С мощным горизонтальным хвостом, с одной длинной узкой ноздрей на кончике рыла, с маленькими злыми глазами, с белым морщинистым брюхом, Моби Дик, свирепый Моби Дик, гроза кальмаров и усатых китов. Интересно, когда наконец это животное выведет своих невест на поверхность? Пора бы им и подышать немного...

Кондратьев бросил субмарину под воду. Он обогнал звено, уклонился немного к востоку, повернул и снова занял свое место в строю звена. В звене пять субмарин. Звено идет <звездой>, как и кашалоты. В центре - Кондратьев. Левее и на двадцать метров выше - Ахмет Баратбеков, кончивший курсы всего год назад. Правее и выше - его жена Галочка. Левее и ниже - серьезный здоровяк Макс, громадный сумрачный парень, прирожденный глубоководник. Правее и ниже - Николас Дрэгану, пожилой профессор, известный лингвист, двадцатый год проводивший отпуск в охране.

Теперь до стада не более ста метров. На экране ультразвукового прожектора отчетливо виден силуэт Моби Дика - круглое дрожащее пятно, разбрасывающее светлые искры.

- Плотнее к стаду! - скомандовал Кондратьев
- Командир, включи ультраакустику! - крикнул Ахмет.
- Частота?

- Шестнадцать шестьсот пятьдесят... Они поют! Моби Дик поет!

Кондратьев наклонился к пультам. Каждая субмарина оснащена преобразователями ультразвука. На некоторых даже есть преобразователи инфразвука, но это только на исследовательских. Океан полон звуков. В океане звучит все. Звучит сама вода. Гремят пропасти. Пронзительно воют рыбы. Пищат медузы. Гудят и стонут кальмары и спруты. И поют и скрипят киты. И кашалоты в том числе. Некоторые считают, что красивее всех поют кашалоты.

Кондратьев завертел штурвальчик преобразователя. Когда тонкая стрелка на циферблате проползла отметку 16.5, субмарина наполнилась низкими, гулкими звуками. Несомненно, это пел Моби Дик, великий кашалот, и самки хором подпевали своему новому повелителю.

- Вот прохвост! - сказал Дрэгану с восхищением.
- Какой голосистый! - отозвалась Галя.
- Скотина горластая! - проворчал Макс. - Пират...

Моби Дик орал: <Уа-ау-у-у... Уа-ау-у-у... Уа!..>

Его подруги отвечали: <И-и-и... Иа-и-и... И-и-и...>

Кондратьев переводил: <Скорее, скорее, еще немного, и мы будем там... Роскошное угощение... Маленькие молочные киты... Жирные, вкусные беспомощные матери... Скорее... Не отставайте!> И ему отвечают: <Мы спешим... Мы спешим изо всех сил... изо всех сил...>

Расстояние сократилось до шестидесяти метров. Пора было начинать. До искусственных пастбищ, где отлеживались сейчас синие киты с детенышами, оставалось не более сорока километров. Но когда Моби Дик собирается подышать?

- Макс, Дрэгану, вниз!
- Есть...

Макс и Дрэгану круто нырнули, заходя под <звезду> кашалотов. Кашалоты плохо видят, но все же следовало быть осторожным. Заметив преследователей, они могли бы начать игру в трех измерениях, ведь они способны погружаться на километр и более, и игра в прятки при наличии всего пяти субмарин сильно затруднила бы дело. Макс и Дрэгану, выйдя под <звезду>, перерезали ей дорогу вглубь и ограничивали маневр Моби Дика двумя измерениями.

Ага, вот, наконец-то! <Звезда> сжалась и вдруг пошла к поверхности.

- Макс, Дрэгану, не зевать!
- Не зеваем, - недовольно отозвался Макс.

А профессор лингвистики весело сказал:

- Есть не зевать! - Видимо, ему нравились все эти <есть>, атрибуты старинного морского и военного обихода.

Моби Дик вел свое стадо на поверхность, и снизу его подпирали

Макс и Дрэгану. Кондратьев сказал:

- Иду на поверхность!

Он повернул субмарину носом вверх и включил турбины на полную мощность. Сейчас мы увидим тебя воочию, великий Моби Дик, пират и убийца!

Субмарина с ревом вырвалась из водоворота, пронеслась, сверкнув чешуей, над пенистым гребнем волны и снова ушла носом в воду, оставляя за собой клочья синтетической слизи. Солнце уже зашло, только на западе тускло горела багровая полоска. Но ночи не было над океаном. Потому что светились тучи, Над океаном царили сумерки. А буря была в самом разгаре, волны стали выше, двигались стремительнее и расшвыривали мохнатые клочья пены. Это было все, что увидел Кондратьев при первом прыжке. И при втором прыжке он разглядел только белесое светящееся небо и черные волны, плюющиеся пеной во все стороны.

Зато, когда субмарина вылетела из пучины в третий раз, Кондратьев увидел наконец Моби Дика. Метрах в ста от субмарины из волн вырвалось громадное черное тело, повисло в воздухе - Кондратьев отчетливо увидел тупое, срезанное рыло и широкий раздвоенный хвост,- описало в белесом небе длинную и медленную дугу и скрылось за бегущими волнами. Сейчас же впереди вылетел из волн ровный ряд теней поменьше и тоже скрылся. И субмарина тоже ушла под воду, и сразу же на ультразвуковом экране запрыгали огромные светлые пятна.

И опять вверх... Минуты полета над кипящим океаном... гигантская туша вылетает из волн впереди, пролетает над пенистыми гребнями и исчезает, еще семь туш поменьше в полете... и снова иллюминатор заливают пузырьчатая, белесая, как небо, вода.

Ну что ж, пора кончать с Моби Диком, гигантским кашалотом. Он прижат к поверхности, уйти вниз теперь стадо не может - там сердитый Макс и азартный Дрэгану. Повернуть вправо или влево оно тоже не может - на его флангах опытные охотники Ахмет и его жена Галочка. В хвосте стада идет сам Кондратьев, и он уже ловит в прицел акустической пушки чёрный горб Моби Дика. Надо целиться именно в горб, в мозжечок, так будет наверняка и Моби Дик не придётся мучиться. Бедный глупый Моби Дик, груда свирепых мускулов и маленький мозг, набитый жадностью. Сто тонн прочнейших в мире костей и сильнейших в мире мускулов и всего три литра мозга. Мало, слишком мало, чтобы соперничать с человеком. Моби Дик, пират и разбойник!

А Моби Дик ликовал! Он выскакивал стремглав из кипящей бури, мчался в спокойном теплом воздухе, захватывая его чудовищной пастью, открытой, словно перевернутый чемодан, и снова плюхался в волны, и семь самок, семь невест, из-за которых он на рассвете убил слугу человека, весело прыгали вслед за ним. Они мчались за ним, торопясь на подводные лежбища синих китов, где сладкие, жирные матери, повернувшись на спину, подставляют черные соски новорожденным китятам. Моби Дик вел подруг на веселый пир.

До Моби Дика осталось всего тридцать метров. Отличное расстояние для инфразвуковой пушки.

Командир звена субмарин Кондратьев нажал спусковую клавишу..

И Моби Дик потонул. Ахмет, Галочка и Дрэгану повернули растерянных и негодующих самок на север и погнали их прочь. В голове стада пристроился Макс. Он успел записать песни Моби Дика, и теперь снова под водой понеслись вопли <Уа-а-у-у... Уа... Уа-а-ау!> Молодые глупые самки сразу повеселели и устремились за субмариной Макса. Их больше не приходилось подгонять. А Кондратьев опускался в пучину вместе с Моби Диком. На черном горбу Моби Дика, там, куда пришелся мощный удар инфразвука, вспух большой бугор. Но Кондратьев вбил под толстую кожу кашалота стальную трубу и включил компрессор. И под кожу Моби Дика хлынул воздух. Много сжатого воздуха. Моби Дик быстро расплпнел, бугор на горбу исчез, да и сам горб был теперь едва заметным. Моби Дик перестал тонуть и с глубины полутора километров начал подниматься на поверхность. Кондратьев поднимался вместе с ним. Они рядом закачались на волнах, как на гигантских качелях.

Кондратьев открыл люк и высунулся по пояс. Это опасное дело во время бури, но субмарины Океанской охраны очень устойчивы. К тому же волны не захлестывали субмарину. Они только поднимали ее высоко к

белесому небу и сразу бросали в черную водяную пропасть между морщинистыми жидкими скалами. Рядом так же мерно взлетал и падал Моби Дик. У него был и сейчас зловещий и внушительный вид. Он был только чуть-чуть короче субмарины и гораздо шире ее. И мокро блестела живая, раздутая сжатым воздухом шкура. Вот и конец Моби Дику.

Кондратьев вернулся в рубку и захлопнул люк. В горбу Моби Дика остался радиопередатчик. Когда дня через два буря утихнет, Моби Дика запеленгуют и придут за ним. А пока он может спокойно покачаться на волнах. Ему не нужны больше ни невесты, ни нежные новорожденные киты. И хищники его не тронут - ни кальмары, ни акулы, ни касатки, ни морские птицы, - потому что шкура Моби Дика надута не простым чистым воздухом.

<Прощай, Моби Дик, прощай до новой встречи! Хорошо, что ты не белый кашалот. Мне еще долго-долго искать тебя по всем океанам моей Планеты, искать и снова и снова убивать тебя. Над бурной волной и в вечно спокойных глубинах ловить в перекрестие прицела твой жирный загривок.

А сейчас я немного устал, хотя мне очень и очень хорошо. Сейчас я вернусь к себе на базу, поставлю <Голубку> в ангар и, прощаясь, по обычаю поцелую ее в мокрый иллюминатор: <Спасибо, дружок>. И все будет как обычно, только теперь на базе меня ждут>.

Песчаная горячка

- Знаешь, - сказал Боб, - я сейчас бы выпил томатного сока... - он перевернулся на другой бок и с отвращением выплюнул окурков. - Когда от сигарет болит язык, лучше всего выпить томатного сока.

- Когда у тебя что-нибудь болит, надо пить коньяк, - говоривший был велик ростом и тощ. Звали его Виконт. - Можно водку. Годятся и ликёры. Не возбраняется вино, в котором, как известно, истина. Но лучше всего - спирт...

- Ты забыл пиво. Ты болван, - сказал Боб, - я бы выпил сейчас пива...

В палатке было жарко и темно. На полу валялись спальные мешки, множество окурков, винтовка, стреляные гильзы и пара сапог. В низкую треугольную дверь палатки виднелись красноватые сумрачные барханы и обложенное тяжёлыми тучами небо. Налетал порывами горячий ветер, шелестел брезентовыми стенами.

- Слушай, Боб, у тебя скрипит песок на зубах?

- Не успеваю отплеиваться. А что?

- Мне надоело. Я жую его вторую неделю. Это нервит. Я подожду ещё пару дней, накоплю побольше слюны, пойду к нашему и...

- По дороге ты будешь питаться слюной и гильзами. Ты будешь ужасен в своём гневе, ты будешь рубить колючки, но Багровое Небо сожжёт тебя, и твой высохший труп занесут пески. Ибо такова жизнь. Уходя, не забудь выстрелить себе в лоб - это укоротит твой тернистый путь и сбережёт много драгоценного времени. Я буду рыдать над твоим телом. Клянусь удачей.

Боб сплюнул и потянулся за сигаретой. Сел, чиркнул спичку, закулив, стал разглядывать свои босые ноги. Осторожно потрогал вспухший синий шрам.

- Здешние муравьи кусаются подобно леопардам, - сказал он, - ты должен пожалеть меня, Виконт.

Виконт не ответил. Порыв ветра распахнул полы палатки, дохнул горячим песком. Боб, кряхтя, поднялся, чертыхнулся, задев за столб, и неторопливо вылез из палатки.

- Горячо, дьявол, - донёсся его голос, - Виконт, дружище, ты сгниёшь живо... выйди подышать чистым воздухом. О, этот воздух! Он прохладен, как дыхание холодильника! Ривьера, Ривьера! Не верите? Нюхните сами...

Виконт, злобно жуя губами и поминутно сплёвывая, слушал, как он бродил вокруг палатки - проверял крепления. Из-за стенки сквозь шелест

ветра доносилось:

В стране, где зной, где плеск волны морской,
Жил длинноногий Джо...

...до чего же горячо пяткам! Ай-яй!..

...Виконт, выйди, милый, дело есть...

Потом что-то случилось. Стенки колыхнулись, треснул и накренился столб. Виконт поднялся и сел, прислушиваясь. Голос Боба:

- Эй-ей! Тебе чего?.. Пошёл!.. А-а-а-а!.. Виконт, ко мне!

За стенкой дрались. Боб крикнул и замолчал. Палатка тряслась, доносилось хриплое тяжёлое дыхание.

На ходу загоняя в карабин обойму, путаясь в спальных мешках, Виконт кинулся из палатки.

- Вввв-а-а!.. - неслось из-за палатки...

- Эге-гей! Держись, Бобби! - рявкнул Виконт, огибая угол. Там не было никого и ничего. Только разрытый горячий песок...

- Бобби... - тихо сказал Виконт, озираясь, - Бобби, дружище...

Дымящиеся красные барханы, саксаул, раскалённое тяжёлое небо... обвисший брезент палатки... всё. И разрытый горячий песок. Виконт облилиз губы.

- Бобби, где ты?

Он выплюнул песок и медленно пошел вокруг палатки. Красные барханы, саксаул, разрытый горячий песок... Всё.

- Если это шутка, Бобби, то очень неудачная. И я воздам тебе...- голос его упал.

Разумеется, это не было шуткой, и Виконт с самого начала прекрасно понимал это. Но ему вдруг почему-то стало смешно, и он рассмеялся:

- Ладно, Боб, захочешь жрать - придёшь.

Виконт решительно обогнул палатку и полез внутрь. Разумеется, первое, что он там увидел, был Боб, вернее его ноги - длинные, сухие, в серо-зелёных парусиновых сапогах, они торчали из-под спальных мешков. Тогда Виконт рассердился. Он снял с центрального столба знаменитую многохвостую плётку Джаль-Алла-Эд-Муддина из жил древнего зверя Уф и угрожающе взмахнул ею.

- Вылезай, старое дерьмо! - заорал он. - Вылезай, не то восплачешь, аки жида у стен Синайских!

Боб не двигался. Виконт осторожно ударил по мешку. Сапоги не дрогнули.

- Кэ дьябль! - пробормотал Виконт, боясь, что мелькнувшая мысль вернётся снова. - Хватит валять Катта. Вставай.

И вдруг, задрожав от нестерпимого ужаса, отскочил назад: ноги не двигались. Шуршал песок по брезенту палатки. Гулко стучала кровь.

- Это ничего, - громко сказал Виконт.

Он бросил плётку и нагнулся над одеялами. Тонкий, вязкий запах красного цвета ударил ему в нос. Тонкий, пьянящий аромат - единственный в мире аромат - самый вкусный запах во Вселенной, запах свежей крови. Адеяла ещё скрывали его источник, но можно уже было догадаться, что это не Боб. Кровь Боба пахнет не так, Виконт хорошо знал это. Но - сапоги? Серо-зелёные сапоги Боба. Ах, но ведь это очень просто... Виконт сбросил одеяла, усмехнулся:

- Так и есть!

Задрав кверху свалывшуюся бородку и открывая бесстыдно широкую чёрную щель под ключицами, загадив простыни кашей из крови и песка, лежал там смуглый человек в пёстром халате.

- Здравствуй, Бажжах-Туарег, - улыбнулся Виконт.

Бажжах не ответил. Он пристально всматривался в обвисший брезентовый потолок и сжимал в правом кулаке клочья короткой рыжей шерсти - космы с круглой весёлой головы Боба.

- Неужели Боб отдал тебе свои сапоги... да ещё и вместе с ногами? - глумливо спросил Виконт.

Мертвец улыбнулся и сел, отряхивая руки. Его лицо заливала краска, светившаяся в темноте...

Палатка вновь затрепетала. Голос Боба тревожно спросил:

- Виконт, ты что?.. Тебе плохо?..

Виконт обернулся: в дверях, согнувшись, стоял Боб чёрным силуэтом

на красном фоне песков.

- Я тебя звал, ты не слышал? С кем это ты болтал тут? Да очнись ты, старый сапог!..

Виконт вытер пот со лба, сплюнул, глянул через плечо. В сумраке - покосившийся столб, сваленные в кучу спальные мешки, окурки.

- Плохо дело, Бобби, старина, - он не узнал своего голоса, - здесь был Бажжах. Я видел его лучше, чем тебя сейчас...

- Бажжах-Туарег?! - Боб нырнул в палатку, выпрямился, настороженно озираясь. - Ты не ошибся? Ты не понимаешь, что ты говоришь...

Он осёкся. Виконт опустился на пол, сел, обхватив голову руками.

- Бажжах-Туарег... - прошептал он с отчаянием.- Мы погибли, Боб. Господи, помоги нам! Мы хуже, чем умерли... Бажжах-Туарег!.. Это конец, это конец, Бобби... Мы всё равно, что мертвецы теперь...

Боб кинулся было из палатки, потом вернулся и стал, вцепившись в центральный столб.

- К дьяволу, Вик! - прохрипел.- Я не видел его... Ведь меня не было в палатке, не правда ли? Почему мы? Ведь я-то не видел его?..

Он сел на одеяла и начал быстро обуваться. Руки его дрожали. Виконт быстро повернулся к нему:

- Ты... ты уходишь?..- он судорожно глотнул.

Боб не отвечал. Он торопливо шарил в полутьме, хватал одежду, коробки с сигаретами, патроны - совал в рюкзак. Виконт несколько секунд молча следил за ним, облизывая сухие губы.

- Не оставляй меня одного, Боб... - проговорил он наконец, - позволь мне идти с тобой... Ведь мы старые друзья, не так ли?.. - Он потянулся дрожащей рукой к плечу товарища - похлопать, тот, дико глянув, шатнулся в сторону.

Виконт замолчал и весь наклонился вперёд, стараясь поймать взгляд Боба. Тот затащил ремни, вскинул на плечо карабин и, не глядя на Виконта, шагнул к двери, волоча рюкзак по песку. Вцепившись в одеяло судорожно сжатыми пальцами, Виконт смотрел, как он, наклонившись, вылезает наружу. Красный треугольник двери исчез на мгновение и вновь появился, шаги зашуршали, удаляясь, и вдруг остановились. Виконт, не отрываясь, глядел на дверь. Пот крупными каплями стекал по его худым щекам.

Палатка колыхнулась, тело Боба опять заслонило вид на красные пески.

- Ты знаешь, я не могу взять тебя с собой, - мягко сказал Боб.- Ты не первый и не последний... Вспомни Хао... и Дэрка... и Зисса... Тебе ведь и самому приходилось поступать так же. Теперь твой черёд... Когда-нибудь придёт и мой... Не сердись, Вик, дружище... Прощай.

Они посмотрели друг другу в глаза. Боб отвернулся...

Далёкий протяжный грохот заставил обоих выбежать из палатки. Небо задрожало, пелена туч лопнула, пропуская добела раскалённое громадное тело, окутанное паром и дымом. Оно медленно опускалось на равнину, сотрясаясь от грохота.

- Это они!!! - покрывая дикий рёв, заорал Виконт, хватая Боба за плечи. - Это они!.. Клянусь богом, это они...

Тело коснулось почвы и мгновенно скрылось в тучах песка. Земля дрогнула под ногами, Виконт, покачнувшись, бросился к палатке, таща за собой Боба. Тот не сопротивлялся...

Лохматый чёрно-оранжевый столб упёрся в низкое небо. Раскалённый ураган свалил Боба и Виконта с ног, и они покатались по песку, как пустые папирусные коробки катятся по асфальту летнего города в ветреный день.

- Это ничего! - кашляя и отплевываясь, кричал Виконт. - Это пустяки... всё пустяки! Милая старая Земля! Ты пришла за нами!

Им удалось остановиться. Боб поднялся первым, протирая глаза и трясая головой. Вихрь, наконец, унялся, и стала видна дрожащая сизая масса в полукилометре от них. Постепенно воздух вокруг неё успокоился. Не спуская глаз с астроплана, друзья медленно, с трудом вытягивая ноги из песчаных наносов, двинулись к нему. Виконт всхлипывал судорожно от возбуждения и радости. У Боба был вид человека, вынутого из петли на секунду раньше, чем этого требовал приговор. Впрочем, карабин он

держал под мышкой.

- Хао... Дэрк... Зиес... - бормотал Виконт. - Что мне за дело? Я вернусь и поправлюсь. Не правда ли, Бобби? Ведь я ещё не совсем... И я не виноват, что Бажжах украл у тебя ноги... Но до чего всё это смешно! Понимаешь, открываю я одеяло, а он тут... Такой же, как тогда... когда его убил Джаль-Алла...- он захохотал идиотским смехом и забился от кашля. Боб ничего не сказал. Он только ускорил шаг.

До астроплана оставалось не больше двадцати шагов, когда часть его сизой щербатой поверхности откинулась, открыв квадратный провал люка. Несколько человек в лёгкой нейлоновой одежде выпрыгнули на песок, неуклюже подворачивая ноги.

- Эхой! Боб! Виконт! - крикнул один из них. - Живы? А где остальные?

Боб раскрыл было рот, но Виконт снова залился хохотом.

- Они все вернулись домой... и даже глубже! - заорал он. - Молитесь за них, ребята... за них и старину Бажжаха. А я... вы видите меня, не правда ли? - я жив и здоров... не верите?

- Скорее! - стараясь перекричать сумасшедшего, визжал Боб.- Все в палатку и за дело! Забирайте товар! Грузитесь и сейчас же назад!

Экипаж астроплана окружил их. Кто-то схватил Виконта за руки и заставил замолчать. Командир растерянно сказал:

- У меня совсем другие инструкции, Боб. Я должен остаться здесь до тех пор, пока на базу не вернётся группа Кайна... у них Золотое Руно.

Боб сбросил с плеч вещевой мешок и принялся с нарочитой медлительностью рыться в нем. Все стояли молча, неподвижные, не в силах оторвать взгляды от его дрожащих рук.

- Не держите меня, ребята, я здоров, - сказал Виконт. - Могу взять любой интеграл... или хотите, я расскажу вам, что случилось с Кайном?

Боб поднялся, протягивая командиру толстый свёрток, обернутый в прорезиненную материю.

- Вот всё, что осталось от группы Кайна,- голос его дрогнул.- И это ещё много. Так что торопитесь, ребята. В этих песках и без вас уже достаточно костей.

- Джаль-Алла! - прошептал один из вновь прибывших.

- Джаль-Алла! - сумрачно кивнул Боб.- Торопитесь же...

Командир бережно сунул сверток за пазуху и аккуратно застегнулся.

- Я всё же думаю остаться здесь на более долгий срок, - сказал он.

- Не имеешь права,- хрипло выдохнул Боб.

- У меня есть указания дожидаться Кайна.

- Я говорю тебе, Кайн и его группа...

- Я ничего не слышал и ничего не знаю.

- Но Золотое Руно, которое я передал тебе, - Боб ткнул пальцем в выпуклость под грудью командира. - Если не веришь, убедись, посмотри...

- Ты мне передал? - на лице командира изобразилось глубочайшее изумление. - Ты бредишь, Бобби.

Он повернулся к остальным.

- Передавал он мне что-либо, ребята?

Те молчали, с презрительными усмешками рассматривая Боба. Брови командира сурово насупились.

- Вы двое паршивых сумасшедших... болтаете чёрт знает что, сеете панику в моем экипаже... Я прикажу расстрелять вас обоих по законам Страны Багровых Туч...

- Предатель, - почти беззвучно проговорил Боб.

Командир вынул пистолет.

- За нарушение дисциплины, выразившееся в... э-э... попытке организовать саботаж, оскорбление старшего должностного лица при... э-э... исполнении служебных обязанностей...

Рука с пистолетом поднялась. Боб, облизывая губы, смотрел в чёрный зрачок... Пистолет был пневматический, выстрел не был слышен.

- Теперь в дорогу, ребята,- капитан, морщась, совал пистолет в кобуру. - Пошевеливайтесь, дело сделано...

- А куда девать этого? - спросил тот, что держал Виконта.
 - К чёрту! Пусти его. По местам!

Виконт сел на песок рядом с телом Боба. Беззвучно смеясь, хлопал труп по плечу.

- Так-то, Боб... Так-то, дружище...- услышал командир. Он брезгливо скривился, пошёл, увязая в песке к астроплану. Около люка остановился, положил руку на пистолет, оглянулся: Виконт, подпрыгивая, размахивая длинными тощими руками, брёл к завалившейся палатке. Оглянулся - капитан увидел его перекошенное лицо, широко открытый рот

- Виконт пел и слова сквозь ветер доносились до командира, закрывающего люк:
 ...В бар часто заходил
 ...наш Джо-о-о...
 Люк мягко захлопнулся.

Воздушным смерчем Виконта пронесло мимо палатки, и он ещё несколько секунд лежал, задыхаясь, полузасыпанный песком. Потом привстал и оглянулся. Там, где только что стоял астроплан, тянулся к небу песчаный смерч, ветер гнал его вдаль. Песок вспыхивал, наливался горячей светящейся кровью, как давеча лицо Бажжах-Туарега, и это было очень смешно. Виконт хохотал от души, зарывался в горячий песок и несколько не удивился, увидев рядом с собой Кайна. Тот тряс его за плечи, хрипел:

- Кто это был? Где Бо? Отвечай, отвечай!..
 - Здорово, Кайн! - весело сказал Виконт.- Ты ещё не видел Боба?! Он отправился туда, к вам... Весёлый славный парень, ей-богу!.. Ему даже не дали рассказать, как тебя убил Джаль-Алла... тебя и Бажжаха... и всех,- Виконт разразился рыдающим хохотом.

- Песчаная горячка... - пробормотал Кайн, отодвигаясь. Он был весь чёрный, спалённый пустыней, покрытый вспухшими язвами, иссечённый песком.

- Я-то знал, что вы все живёхоньки,- болтал Виконт,- я сегодня видел Бажжаха... Здоровый, весёлый, светится... А Боб говорит: "Скорее, скорее. В песках и так уже... это... кости... Вот, мол, всё, что осталось от Кайна" Шутник, ей-ей!..

- Что за дьявол, я жив! Он знал это,- Кайн растерянно озирался вокруг.

- Ругаются!.. Боб кричит - Руно! А тот говорит - прикажу расстрелять! Чудаки! Залезли в звездолёт и - дззык!

- Виконт, парень, очнись, - в голосе Кайна дрожали страх и надежда, - где Боб? Может, он в палатке? Или улетел... ведь не может же быть...

- Боб там лежит... Ты разве его ещё не встречал!? Он пошел к вам... к вам... Из пистолета... Золотое Руно, говорит, если не веришь - убедись...

- Золотое Руно?... - прошептал Кайн, медленно подымаясь с колен. - Какой подлец!..

Виконт видел, как с горизонта поползли красные мокрые облака, опускался мрак. Едва видимый теперь сквозь красную мглу Кайн вдруг рванул на себе рубаху и, увязая в песке, тяжело побежал куда-то в туман. Туман на секунду рассеялся, и Виконт в последний раз увидел: красные барханы, саксаул, горячий песок, тяжёлое багровое небо...

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
 Борис СТРУГАЦКИЙ

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС

Урму стало скучно.

Собственно, скука, как реакция на однообразие и монотонность обстановки, или внутренняя неудовлетворенность самим собой, потеря интереса к жизни, свойственна только человеку и некоторым животным. Для того чтобы скучать, нужно, так сказать, иметь то, чем скучать, - тонко и совершенно организованную нервную систему. Нужно уметь мыслить или, по крайней мере, страдать. У Урма не было нервной системы в обычном смысле слова, и он не умел мыслить. Тем более он не умел страдать. Он только воспринимал, запоминал и действовал. И тем не менее ему стало скучно.

Все дело было в том, что вокруг него, после ухода Хозяина, не осталось ничего нового, что можно было бы запомнить. Между тем накопление новых впечатлений было основным стимулом, направляющим деятельность Урма и побуждающим его к деятельности. Его обуревало ненасытное любопытство, ненасытная жажда воспринять и запомнить как можно больше. Если неизвестных фактов и явлений не было, их следовало найти.

Но обстановка вокруг Урма была знакома ему до последней черточки, до последнего оттенка. Это обширное квадратное помещение с серыми шероховатыми стенами, низким потолком и железной дверью он помнил с первого момента своего существования. Здесь всегда пахло нагретым металлом и изоляционным маслом. Откуда-то сверху доносился невнятный низкий гул - люди не могли слышать его без специальных приборов, но Урм слышал отлично. Лампы дневного света под потолком были погашены, и тем не менее Урм отлично видел комнату в инфрасвете и в импульсах локаторов.

Итак, Урму стало скучно, и он решил отправиться на поиски новых впечатлений. После ухода Хозяина прошло полчаса. Опыт подсказывал Урму, что теперь Хозяин вернется не скоро. Это было очень важно, потому что однажды Урм предпринял небольшую прогулку по комнате без приказа, и Хозяин, заставший его за этим занятием, сделал так, что Урм не в состоянии был пошевелить даже рогом локатора. Теперь, по-видимому, этого можно было не опасаться.

Урм качнулся и тяжело шагнул вперед. Цементный пол загудел под его толстыми каучуковыми подошвами, и Урм на мгновение остановился, чтобы послушать, и даже нагнулся. Но в гамме звуков, излучаемых вибрирующим цементом, не было ни одного незнакомого, и Урм снова устремился к противоположной стене. Он подошел к ней вплотную и понюхал. Стена пахла мокрым бетоном и ржавым железом. Ничего нового. Тогда Урм повернулся, царапнув стену острым стальным локтем, пересек комнату по диагонали и остановился перед дверью. Открыть дверь было не так просто, и Урм не сразу сообразил, как это сделать. Потом, вытянув зубчатую клешню левой руки, ловко ухватился за рычажок замка и повернул его. Дверь отворилась со слабым протяжным скрипом. Это было занято, и Урм провел несколько минут, открывая и закрывая дверь, то быстро, то медленно, прислушиваясь и запоминая. Затем он переступил через высокий порог и оказался перед лестницей. Лестница была узкая, с каменными ступеньками и довольно высокая. Урм мгновенно насчитал восемнадцать ступенек до первой площадки, где горел свет. Затем он неторопливо двинулся вверх. От площадки вела еще одна лестница, деревянная, с десятью ступеньками, справа открывался широкий коридор. Поколебавшись, Урм свернул направо. Он не знал почему. Коридор был не более любопытен, чем лестница. Но возможно, Урму не очень понравились деревянные ступени.

Из коридора тянуло теплом, он был ярко освещен инфрасветом. Инфрасвет излучался рубчатыми цилиндрами, подвешенными невысоко над полом. Урм никогда прежде не видел батарей парового отопления, и рубчатые цилиндры заинтересовали его. Он нагнулся и подцепил один из них обеими клешнями. Раздался короткий треск и скрежет металла, густое облако горячего пара поднялось к потолку. Под ноги Урма хлынула струя кипящей воды. Урм поднял цилиндр к голове, внимательно осмотрел его, обследовал рваные края трубки. Затем цилиндр был отброшен в сторону, и подошвы Урма захлупали по лужам. Урм дошел до конца коридора. Там над низкой дверью вспыхнула красная надпись. "Осторожно! Без спецкостюма не входить!" - прочел Урм. Он знал слово "осторожно", но знал также и то, что слово это всегда относится к людям. К нему, Урму, это слово относиться не могло. Он вытянул руку и

толкнул дверь.

Да, здесь было много интересного и нового. Он стоял у входа в обширный зал, заполненный металлическими, каменными и пластмассовыми предметами. Посредине зала возвышалось на метр круглое бетонное сооружение, похожее на плоскую тумбу, накрытое железным или свинцовым щитом. Многочисленные кабели разбегались от него к стенам, вдоль которых тянулись мраморные щиты с блестящими приборами и рукоятками рубильников. Вокруг бетонной тумбы была изгородь из медной проволоки, с потолка свисали коленчатые блестящие палки. Палки оканчивались щипцами и клешнями, такими же, как на руках у Урма.

Урм, неслышно ступая по кафельному полу, приблизился к медной сетке и обошел ее вокруг. Затем постоял и обошел еще раз. Прохода в сетке не оказалось. Тогда Урм поднял ногу и без усилия прошел сквозь сетку. Рваные клочья медной паутины повисли у него на плечах. Но, не доходя двух шагов до бетонной тумбы, он остановился как вкопанный. Его круглая, как школьный глобус, голова настороженно поворачивалась вправо и влево, оттопырились и шевелились эбонитовые раковины акустических рецепторов, вздрагивали рога локаторов. Свинцовая крышка на тумбе излучала инфрасвет, заметный даже в этом нагретом помещении. Но кроме того, от нее исходило какое-то ультра-излучение. Урм хорошо видел в рентгеновских и гамма - лучах, и ему показалось, что крышка прозрачна и под ней открывается узкий бездонный колодец, наполненный светящейся пылью. В недрах памяти Урма всплыл приказ: немедленно уходить отсюда. Урм не знал, когда и кем был отдан этот приказ. Вероятно, Урм так и появился на свет, уже зная его, как он знал многое другое. Но Урм не подчинился приказу. Любопытство оказалось сильнее. Он нагнулся над тумбой, протянул клешни и с некоторым усилием поднял крышку.

Поток гамма-света ослепил его. На мраморных щитах тревожно замигали красные огни, завывала сирена. На мгновение сквозь прозрачные силуэты своих рук он увидел внутренность бетонной ямы, затем бросил крышку, провозгласив низким хриплым голосом:

- Опасность! Гефар! Дэйнжэр! Вэйсянь! Абунай!

По залу прокатилось и замерло гулкое эхо. Урм повернул верхнюю часть тела на сто восемьдесят градусов и поспешно направился к выходу. Шок, вызванный потоком радиоактивных частиц в контрольных счетчиках, гнал его прочь от бетонной тумбы. Разумеется, ни самое жесткое излучение, ни мощные потоки частиц не могли бы причинить Урму ни малейшего вреда; даже пребывание в активной зоне реактора не грозило бы ему тяжелыми последствиями. Но, создавая Урма, хозяева, вложили в него стремление держаться как можно дальше от источников излучений большой интенсивности. Урм вышел в коридор, тщательно прикрыл за собой дверь и, перешагнув через ребристый цилиндр парового отопления, снова оказался на лестничной площадке. Там он сразу увидел Человека, торопливо спускавшегося по деревянной лестнице.

Человек этот был гораздо меньше ростом, чем Хозяин. На нем была просторная светлая одежда, волосы его были непривычно длинные, золотистого цвета. Таких людей Урм еще никогда не видел. Он потянул в себя воздух и ощутил знакомый запах белой сирени. Иногда точно так же, но гораздо слабее пахло от Хозяина.

На площадке царил полумрак, лестница позади девушки была ярко освещена, и девушка не сразу разглядела громоздкие очертания огромной фигуры Урма. Впрочем, услышав его шаги, она остановилась и сердито окликнула:

- Кто там? Это ты, Ивашев?

- Здравствуйте, как поживаете? - сипло сказал Урм.

Девушка взвизгнула. Из полутьмы на нее надвигалась блестящая голова с выпуклыми стеклянными глазами, непомерно широкие бронированные плечи, толстые коленчатые руки. Урм ступил на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, и девушка завизжала снова.

Еще ни разу не случалось, чтобы Человек не откликнулся на его приветствие. Но этот странный высокий звук, резкий, пронзительный и, несомненно, нечленораздельный, не подходил под стандарты ответов, известных Урму. Заинтересованный Урм решительно двинулся вслед за птившейся девушкой. Деревянные ступеньки ныли и трескали под его ногами.

- Назад! - крикнула девушка.

Урм остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

- Назад, ты, урод!

Команда "назад" была известна Урму. По этой команде надо было повернуть верхнюю часть тела кругом и сделать несколько шагов в обратном направлении до команды "стоп". Но обычно приказы исходили от Хозяина, и кроме того, Урму хотелось исследовать. Он снова стал подниматься, пока не очутился перед входом в небольшую светлую комнату.

- Назад! Назад! Назад! - кричала девушка.

Урм больше не останавливался, хотя шел медленнее, чем мог бы. Его заинтересовала комната - два письменных стола, стулья, чертежная доска, шкаф с книгами и толстыми папками. И пока он выдвигал ящики, распуская завязки на папках и читал вслух надписи, четко выведенные черной тушью на краях чертежа, девушка выскользнула в соседнее помещение, укрылась за диваном и схватила телефонную трубку. Урм видел это, так как он имел оптический рецептор на затылке, но маленький длинноволосый человек больше не интересовал его. Ступая по разбросанным по полу бумагам, он направился дальше. За его спиной девушка кричала в телефон:

- Николай Петрович? Николай Петрович, это я - Галя! Николай Петрович, к нам ворвался Урм. Ваш Урм! Урм! Ульяна - Роберт - Мама... Вы слышали сирену? Да! Не знаю... Я встретила его, когда он выходил из зала большого реактора... Да, да, он был в реакторной... Что? По-видимому, нет. На центральном пункте уже знают...

Урм не стал слушать. Он вышел в фойе и там остановился как вкопанный, усиленно двигая черными рогами локаторов. На противоположной стене висело что-то большое, блестящее и холодное. Оно казалось серым непроницаемым квадратом в инфрасвете и сверкало и серебрилось в обыкновенных лучах, но не это смутило Урма. В странном квадрате стояло черное чудовище с шевелящимися рогами на голове, круглой, как школьный глобус, и Урм не мог понять, где оно. Визуальный дальномер мгновенно сообщил ему, что до незнакомого предмета двенадцать метров восемь сантиметров, но локатор опроверг это сообщение. "Никакого предмета нет. Есть гладкая, почти вертикальная поверхность на расстоянии... шесть метров четыре сантиметра". Урму до сих пор никогда не приходилось видеть ничего подобного, и никогда еще локатор и зрительные рецепторы не давали ему столь противоречивых показаний. В его организме с самого начала была заложена потребность делать ясным и понятным все, с чем приходится соприкасаться, и он решительно пошел вперед, мимоходом отмечая и запоминая выяснившуюся закономерность: "Расстояние по зрительному дальномеру равно расстоянию по локатору, умноженному на два"... Он вошел в зеркало. Стекло разлетелось звенящим дождем осколков, и Урм, упершись в стену, остановился. Очевидно, делать здесь было больше нечего. Урм поцарапал штукатурку, понюхал, повернулся и, не обращая внимания на белого, как бумага, дежурного милиционера, повисшего на сигнале тревоги, хрустя по битому стеклу, шагнул к выходной двери. Снег и метель обступили его.

Когда Николай Петрович бросил трубку, Пискунов уже был в передней и торопливо натягивал шубу.

- Ты куда?

- Туда, разумеется...

- погоди, надо решить, что делать. Если эта махина начнет резвиться по всей электростанции...

- Хорошо, если только по электростанции, - прервал его Рябкин. - А лаборатории? А склады? А если он заглянет сюда, в городок?

Николай Петрович напряженно думал. Пискунов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держась за ручку двери.

- Надо бежать туда всем вместе, - робко предложил Костенко. - Найти его и... ну, и схватить!

Пискунов только поморщился, а Рябкин, рывшийся на вешалке в поисках своей дохи, сердито крикнул:

- Хорошенькое дело - схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака - триста кило... Чушь какая! Ты, Костенко, человек новый у нас, так уж помалкивай...

- Вот что, - сказал Королев. - Сделаем так. Я сейчас позвоню в общежитие, подниму практикантов. Ты, Рябкин, беги в автопарк... Ах, черт, ведь все, наверное, в клубе... Все равно беги, найди хотя бы трех шоферов. Нужно вывести тракторы-бульдозеры... Так, Пискунов?

- Да, да, и поскорее. Только...

- Ты, Пискунов, ступай к институту. Разведай, где Урм, и немедленно звони в автопарк. Костенко, отправляйся с ним. Ясно? Дьявол, только бы он не выбрался за ворота!

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, они выскочили на крыльцо. Рябкин, поскользнувшись, боднул головой в спину Костенко, и тот с размаху упал на четвереньки.

- Черт! Вот черт!

- Что, очки?

- Нет, все в порядке...

Свирепый ветер гнал тучи сухого снега над землей, жалобно выл в проводах, густо гудел в железном кружеве высоковольтных столбов. Из окон коттеджа на сугробы падали мутные желтые прямоугольники света, все остальное было погружено в непроглядную тьму.

- Ну, я пошел, - сказал Рябкин. - Осторожнее там, друзья, не подставляйте зря головы.

Он снова споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию. Затем его светлая доха мелькнула у калитки и скрылась в вихрях крутящегося снега.

Пискунов и Костенко остались одни.

Костенко зябко поежился.

- Не понимаю, - проговорил он. - При чем здесь тракторы?

- А что бы вы предложили? - осведомился Пискунов.

- Нет, я просто не понимаю... Вы хотите разрушить Урма?

Пискунов коротко вздохнул.

- Урм - это уникальная машина, творческий отчет Института экспериментальной кибернетики за последние несколько лет работы. Понимаете? Как же я могу желать его гибели?

Он подобрал полы дохи и полез через сугроб Смущенный и оробевший Костенко последовал за ним. Впереди лежало заснеженное поле, за ним - шоссе. Но ту сторону шоссе была электростанция.

Чтобы сократить путь, Пискунов свернул с шоссе и двинулся по пустырю, на котором еще с осени был заложен котлован для нового здания. Костенко слышал, как Пискунов бормочет что-то, спотыкаясь о кучи обледелого кирпича и прутья арматуры. Идти было трудно. За пеленой пурги еле видна была редкая цепочка огоньков института.

- Погодите... - проговорил наконец Костенко. - Ей богу... Тяжело очень. Отдохнем немного.

Пискунов присел рядом с ним на корточки. Что же все-таки произошло? Он знал Урма, как никто в институте. Через его руки прошел каждый винтик, каждый электрод, каждая линза этого великолепного механизма. Он полагал, что может рассчитать и предсказать каждое его движение в любых обстоятельствах. И вот пожалуйста. Урм "самовольно" вышел из своего подвала и гуляет по электростанции. Почему?

Поведение Урма определяется его "мозгом", необычайно сложным и тонким аппаратом из германиево-платиновой пены и феррита. Если у обычной цифровой машины десятки тысяч триггеров - элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, то в "мозгу" Урма задействовано уже около восемнадцати миллионов логических ячеек. На них запрограммированы реакции на множество положений, на различные варианты изменения обстоятельств, предусмотрено выполнение огромного числа разнообразных операций. Что могло повлиять на "мозг", на программу? Излучение атомного двигателя? Нет, двигатель окружен мощной защитой из циркония, гадолиния и бористой стали. Практически через эту защиту не может прорваться ни один нейтрон, ни один гамма-квант. Тогда рецепторы? Нет, рецепторы еще сегодня вечером были в идеальном порядке. Значит, все дело в самом "мозге". Программа. Сложная новая программа. Пискунов сам руководил программированием и... Программирование... Так вот в чем дело!

Пискунов медленно поднялся.

- Спонтанный рефлекс! - сказал он. - Ну, конечно, это спонтанный рефлекс! Идиот!

Костенко испуганно взглянул на него.

- Не понял...

- А я понял. Разумеется... Но кто бы мог подумать? Все шло так хорошо...

- Глядите! - крикнул вдруг Костенко.

Он ахнул и вскочил на ноги. Серо-черное небо над институтом озарилось дрожащей голубой вспышкой, и на фоне этого зарева, удивительно четкие и в то же время какие-то нереальные, возникли из вихря пурги силуэты черных зданий. Редкая цепочка огней, отмечавшая ограду института, мигнула и погасла.

- Это трансформатор! - хрипло сказал Пискунов. - Подстанция как раз напротив реакторной башни! Там Урм... И охрана...

- Бежим! - предложил Костенко.

Они побежали. Это было не так просто. Встречный ветер валил с ног, они проваливались в рытвины, занесенные сухим снегом, падали, поднимались и падали снова.

- Скорей, скорей! - торопил Пискунов.

Слезы - от ветра и от волнения - заливали его лицо, стыли на ресницах мутными льдинками, мешали смотреть. Он схватил Костенко за руку и тащил за собой, продолжая хрипло бормотать.

- Скорей! Скорей!

По-видимому, вспышку над институтом заметили в городке. На окраине тревожно завывала сирена, осветились окна коттеджей, в которых располагалась охрана, по полю пробежал слепящий луч прожектора. Он выхватывал из мглы снежные барханы, решетчатые стойки столбов высокого напряжения, скользнул по каменной стене, окружавшей институт, и, наконец, уперся в ворота. У ворот торопливо двигались маленькие черные фигурки.

- Кто это... там? - задыхаясь, спросил Костенко.

- Охрана. Милиция, наверное... - Пискунов остановился, протер глаза, голос его прерывался. - Ворота... заперли. Молодцы! Значит... Урм еще там.

По-видимому, тревога началась. Теперь уже не один, а три прожекторных луча шарили вдоль стены института. Было видно, как снежные смерчи танцуют в голубом свете. Сквозь шум и вой ветра доносились крики, кто-то сердито ругался. Наконец взревели моторы, послышался лязг гусениц. Гигантские тракторы-бульдозеры выходили из автопарка.

- Смотрите, Костенко, - проговорил Пискунов. - Смотрите внимательно. Мы присутствуем при самой необыкновенной облаве в истории человечества. Смотрите внимательно, Костенко!

Костенко искоса взглянул на Пискунова. Ему показалось, что по лицу инженера текут слезы. Впрочем, это могли быть слезы от ветра. Между тем лязг гусениц слышался уже не за спиной, а правее. Тракторы вышли на шоссе. Можно было уже различить дрожащие огоньки фар. Огоньков было пять.

- Пять против одного, - прошептал Пискунов. - У него нет никаких шансов. Спонтанная дуга здесь не поможет.

И вдруг что-то изменилось вокруг. Костенко даже не сразу понял, что именно. По-прежнему выла пурга, по-прежнему металась над землей тучи сухого снега, по-прежнему грозно и уверенно ревели моторы тракторов. Но лучи прожекторов уже не скользили по полю. Они неподвижно уперлись в ворота. А ворота были открыты настежь, и возле них никого не было.

- Что за дьявол? - сказал Костенко.

- Неужели он...

Пискунов не закончил, и они, не сговариваясь, побежали к институту. До ворот оставалось не больше двухсот метров, когда Пискунов, бежавший впереди, налетел на человека с винтовкой. Человек заорал в ужасе и шарахнулся было в сторону, но Пискунов ухватил его за плечи и остановил.

- В чем дело?

Человек ошалело вертел головой в милицейской шапке, выругался и, наконец, пришел в себя.

- Вырвался, - сказал он. - Вырвался. Опрокинул ворота и ушел. Чуть Макеева не потоптал. Я в городок за подмогой...

- Куда он пошел?

Милицонер неуверенно махнул рукой влево.

- Туда, кажется... На шоссе...

- Значит, сейчас на тракторы нарвется. Пойдем.

То, что произошло в следующий момент, запомнилось им на всю жизнь. Из крутящейся снежной мглы на них внезапно надвинулось нечто огромное, бесформенное, прямо в глаза им мигнули красные и зеленые огни, и резкий, лишенный интонаций голос произнес:

- Здравствуйте, как поживаете?

- Урм, стой! - закричал отчаянно Пискунов.

Костенко увидел, как побежал милиционер, как поднял руки и потряс кулаками Пискунов, затем исполинская фигура, окутанная паром, зловещее чучело, двинулась мимо него, высоко поднимая толстые, как бревна, ноги, и растаяла в пурге.

Старательно прикрыв за собой дверь, как он делал всегда, если дверь не была сломана, Урм шагнул и остановился. Все вокруг было полно звуков, движения, излучений. Ночь светилась феерическим пестрым калейдоскопом радиоволн. Впереди в тринадцати с половиной метрах было приземистое здание с широкими окнами, забранными в железные решетки. Стены его излучали яркий инфрасвет. Из здания доносилось низкое мощное гудение. В воздухе кружились миллионы снежинок. Оседая на граненых боках Урма, разогретых жаром атомного двигателя, они мгновенно таяли и испарялись.

Урм повертел головой и решил, что наиболее интересным и близким объектом исследования может быть только приземистое здание напротив. Вход он нашел сразу, заметив тропинку на подветренной стороне. Здание было обсажено низкими елками, и он немного задержался, сломав и осмотрев одну из них. Затем он открыл дверь и вошел.

Два человека, сидевшие у стола в тесной узкой комнатухе, вскочили при его появлении и с ужасом уставились на него. Он закрыл за собой дверь (и даже задвинул засов) и остановился перед ними.

- Как поживаете? - сказал он.

- Товарищ Пискунов? - растерянно спросил один из людей.

- Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? - равнодушно осведомился Урм.

Люди его не интересовали. Внимание его привлекло небольшое мохнатое существо, прижавшееся к стене в углу. "Теплое, живое, сильно пахнет, не Человек", - определил Урм и сказал:

- Здравствуйте, как поживаете?

- Р-р-р... - ответило с мужеством отчаяния существо оскалив белые острые зубы, и еще плотнее вжалось в угол.

Урм был поглощен собакой и совершенно безучастно отнесся к тому, что милиционеры ловко забаррикадировались столом и шкафом и стали торопливо расстегивать кобуры.

Жалобно визжа и поджав хвост, собачонка шмыгнула - мимо Урма. Но Урм был гораздо проворней собаки. Он был проворней любого, самого проворного животного на свете. Туловище его молниеносно и бесшумно сделало поворот, и длинная, вытянувшаяся, словно подзорная труба, рука схватила собачонку поперек туловища. В то же мгновение раздался выстрел: нервы одного из милиционеров не выдержали. Пуля звонко щелкнула о панцирь, прикрывающий спину Урма, и рикошетом влипла в стену. Посыпалась штукатурка.

- Сидоренко, отставить! - крикнул другой милиционер.

Урм выпустил дрожащую собачонку и уставился на людей, бледных, но очень решительных, державших оружие наизготовку. Он с любопытством понюхал. В воздухе расплывался незнакомый запах бездымного пороха. Собачонка забила под ноги милиционеров, но Урм уже утратил интерес к ней. Он повернулся и двинулся к следующей двери, на которой красовалось изображение черепа и скрещенных костей, пронзенных красной молнией. Милиционеры, оторопев от изумления, смотрели, как его клешневидные пальцы нащупывают рубчатый барабан замка. Дверь отворилась. Тогда оба они, опомнившись, бросились за ним:

- Стой! Назад! Нельзя!

Они цеплялись за его бронированные бока, забыв обо всем на свете, в ужасе от одной мысли о том, что может натворить в трансформаторе это железное чудовище. Но Урм просто не замечал их. Их усилия не производили на него никакого впечатления. С таким же успехом они могли пытаться остановить на ходу трактор. Тогда один из них, оттолкнув товарища в сторону, в упор, снизу вверх выпустил в голову Урма всю обойму. Залитый светом зал подстанции огласился грохотом выстрелов.

Урм пошатнулся. Вдребезги разлетелась эбонитовая раковина правого акустического рецептора. Сорвался и повис, болтаясь на проволоке, изогнутый рог локатора. Зазвенело разбитое стекло в потолке.

Урм никогда еще не подвергался нападению. У него не было инстинкта самосохранения и не было опыта борьбы против человека. Но Урм мог

сопоставлять факты, делать логические выводы и избирать линию поведения, максимально обеспечивающую ему безопасность. На все эти мыслительные операции у него ушли доли секунды. В следующий миг он повернулся кругом и пошел на людей, угрожающе выставив страшные клешни.

Милиционеры разделились. Один отбежал за распределительный щит, другой прыгнул за массивный стальной кожух ближайшего трансформатора, торопливо перезаряжая пистолет.

- Сидоренко! Беги в дежурку, звони, объявляй тревогу! - крикнул он.

Но Сидоренко никак не удавалось добежать до двери. Урм передвигался гораздо быстрее, чем человек, и стоило милиционеру высунуться из-за распределительного щита, как Урм в два шага оказывался перед ним. Тогда люди решили выбежать одновременно. Это не удалось: Урм носился от щита к трансформатору со скоростью курьерского поезда.

Распределительный щит треснул поперек от неловкого толчка Урма, через пулевые отверстия в окнах и стеклянном потолке свистел ветер.

Наконец Урму надоела эта игра, и он решил оставить людей в покое. Он вдруг остановился перед трансформатором и решительно запустил руки под кожух. Милиционеры воспользовались этим и стремглав бросились в дежурку. В то же мгновение раздался оглушительный треск, все вокруг озарилось ослепительной голубой вспышкой, и свет погас. Острый запах горелого металла, дыма, горячего лака хлынул из зала. Оглушенные, подавленные милиционеры не сразу сообразили, что произошло. А затем дежурка затряслась от тяжелых шагов, и резкий голос произнес в темноте:

- Здравствуйте, как поживаете?

Щелкнула задвижка. Со скрипом отворилась дверь, в мутном прямоугольнике на секунду обозначились грузные очертания железного чудовища, и дверь снова закрылась.

Урм шел по территории института, увязая в снегу и высоко поднимая ноги. Институт был погружен во мрак, и в этом мраке мало помогало даже инфракрасное зрение Урма. Он различал только слабое сияние вокруг собственного живота и ног, на которых таяли и испарялись снежинки. Несколько слабо фосфоресцирующих силуэтов людей промелькнуло между зданиями. Урм не обратил на них внимания. Он шел, ориентируясь по показаниям локатора, хотя один рог локатора был сбит пулей и правильно определять расстояния было теперь невозможно.

Урма заинтересовали далекие огоньки городка, едва мерцавшие сквозь пургу. Затем там вспыхнули яркие голубые лучи прожекторов. Он дошел до стены, поколебался и повернул налево. Он хорошо знал, что в стенах всегда бывают двери. И вскоре оказался у ворот. Ворота были большие, железные. Важнее всего, однако, было то, что они оказались заперты. За воротами слышались встревоженные голоса людей, через щель пробивался яркий голубой свет. - Здравствуйте, - сказал Урм и навалился на ворота. Ворота не поддавались. Они были заперты крепко. Где-то далеко послышался лязг металла. Там, за воротами, происходило что-то очень интересное. Урм нажал сильнее, затем отошел, запрокинул голову и с разбегу ударил в ворота бронированной грудью. Голоса за воротами смолкли, потом кто-то крикнул неуверенно:

- Назад! Эй, гляди, не стреляй в этого дьявола!

- Здравствуйте, как поживаете? - сказал Урм, разбежался и ударил снова. Ворота рухнули. Засов оказался сильнее шарниров, заделанных в бетонную стену, и ворота легли на снег плашмя, как настил. Урм прошел по ним мимо разбежавшихся милиционеров и окунулся в пургу, бушевавшую в открытом поле.

Он шагал, едва успевая восстанавливать равновесие на разрытой земле, покрытой зыбким морем сухого снега. Раз под его ногой разверзлась пустота, и он упал. Снег зашипел под ним. Он никогда раньше не падал, но уже в следующий момент уперся руками в землю, вытянул их на всю длину и поджал под себя ноги.

Поднявшись, он постоял оглядываясь. Впереди мерцали огни коттеджей. Слева, совсем рядом, маячили три человеческие фигуры, дальше - рычали машины, цепочкой двигавшиеся к воротам. Урм повернул налево. Проходя мимо людей, он поздоровался с ними и тут же узнал в одном из них Хозяина. Хозяин мог лишить его возможности двигаться. Урм отлично помнил это и пошел быстрее. Хозяин скрылся позади в вихрях крутящегося снега.

Он вышел на плоское укатанное место. Яркий свет озарил его с головы

до ног. Громоздкие металлические чудовища, неся перед собой тяжелые щиты, надвинулись на него и остановились, сердито отфыркиваясь.

Урм стоял в пяти шагах от переднего бульдозера, медленно поворачивал свою круглую голову направо и налево и повторял:

- Здравствуйте, как поживаете?

Николай Петрович Королев соскочил с трактора. Водитель испуганно крикнул:

- Куда вы, товарищ инженер?

И в этот момент на шоссе появился Пискунов. Взъерошенный, с вздыбившимися волосами (шапка осталась где-то на пустыре), глубоко засунув руки в карманы распахнутой дохи, он обошел бульдозер и остановился перед Урмом. Их разделяло не больше пяти шагов. Урм громоздился над инженером, словно башня, его граненые бока блестели в свете фар, окутанный паром живот лоснился от влаги, круглая голова с большими стеклянными глазами, растопыренными ушами рецепторов и рогом локатора была похожа на страшную и смешную маску из тыквы, какими в деревнях парни пугают девочек. Голова равномерно покачивалась, глаза следили за каждым движением Пискунова.

- Урм, - громко сказал Пискунов.

Голова застыла неподвижно, суставчатые руки прильнули к туловищу.

- Урм, слушай мою команду!

Урм ответил:

- Я готов.

Кто-то нервно рассмеялся. Пискунов шагнул вперед и положил руку в перчатке на грудь Урма. Его пальцы торопливо поползли по броне, нащупывая главное - замыкатель, соединяющий счетно-анализаторскую часть мозга Урма с системой силы и движения. И тут случилось неожиданное - неожиданное для всех, кроме Пискунова, боявшегося этого больше всего. По-видимому, в памяти Урма сохранились ассоциации, связывающие этот жест Хозяина с внезапно возникающей неспособностью двигаться. Едва пальцы Пискунова коснулись ключа, как Урм резко повернулся. Бронированная рука стремительно прошла над головой успевшего пригнуться Пискунова, и Урм, не торопясь, двинулся обратно по шоссе. Николай Петрович первым пришел в себя.

- Эй, ребята! - крикнул он. - Заводите бульдозеры справа и слева!

Отрежьте ему дорогу к воротам... Пискунов! Эй, Пискунов!

Но Пискунов не слушал. Пока бульдозеры расползались по обе стороны от шоссе, ныряя в снежных тучах, он побежал за Урмом.

- Стой, Урм! - кричал он высоким, срывающимся голосом. - Стой, скотина! Назад! Назад!

Он задохнулся. Урм шел все быстрее, и расстояние между ними постепенно увеличивалось. Наконец Пискунов остановился, сунул руки в карманы и, втянув голову в плечи, стал смотреть ему вслед. Николай Петрович и Рябкин подбежали к нему. Последним подошел Костенко.

- Ну куда тебя понесло? - сердито сказал Королев. Пискунов не ответил.

- Он не повинуется, - проговорил он. - Понимаешь, Коля? Не повинуется. Ясно, это спонтанный рефлекс.

Николай Петрович кивнул.

- Я тоже догадался.

- Еще бы! - воскликнул Рябкин. - С таким же успехом вы могли бы предоставить железнодорожным составам самим выбирать время и путь следования...

- Что это такое - спонтанный рефлекс? - робко спросил Костенко. Ему не ответили.

- И все-таки, несмотря ни на что, это замечательно. - Николай Петрович высморкался, сунул платок за пазуху. - Он не повинуется! Надо же...

- Идем! - решительно сказал Пискунов.

Тем временем бульдозеры развернулись в полукольцо и стали стягиваться вокруг Урма, неторопливо шлепавшего по шоссе. Один из бульдозеров выполз на шоссе впереди него, кормой к воротам, другой нагонял его сзади, остальные три приближались с боков - два слева, один справа. Конечно, Урм давно заметил, что его окружают, но, вероятно, не придавал этому значения. Он продолжал двигаться по шоссе, пока не уперся грудью в бульдозер. Он надавил, трактор чуть качнулся, водитель с напряженным лицом схватился за рычаги. Урм отошел и ударил с разбегу. Железо лязгнуло о железо, и было

видно, как снежную мглу под прямым лучом фары прорезали яркие искры.

В то же мгновение щит заднего бульдозера уперся в спину Урма. Урма застыл неподвижно, только голова его медленно поворачивалась вокруг оси, точно школьный глобус. Справа и слева подошли еще два бульдозера и плотно закрыли последние пути к отступлению. Урма оказался в плену.

- Товарищи инженеры! Товарищ Пискунов! Что дальше делать? - закричал водитель первой машины.

- Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? - сказал Урма.

Он размахнулся и ударил по щиту. Затем еще и еще. Он бил равномерно, словно боксер на тренировке, слегка отклоняясь при каждом ударе, и из-под его палицеобразных рук с лязгом сыпались снопы искр. Пискунов в сопровождении Николая Петровича, Рябкина и Костенко поспешил к нему.

- Надо скорее что-то предпринять, иначе он покалечит себя, - встревоженно сказал Рябкин.

Пискунов молча полез на гусеницу трактора, но Рябкин схватил его и стянул обратно.

- В чем дело? - раздраженно спросил Пискунов.

Рябкин сказал:

- Ты - единственный человек, который знает Урма до тонкостей. Если он тебе вмажет... это дело может затянуться на несколько месяцев. Должен идти кто-то другой.

- Правильно, - поспешно сказал Николай Петрович. - Я пойду.

Один из рабочих, обступивших инженеров, вмешался:

- Может, кого из нас выберете? Мы помоложе, ловчее...

- Я, - хмуро сказал Костенко.

- Это не пойдет, - сказал Николай Петрович. - Пискунова не пускайте.

Он сбросил шубу и полез на трактор. Тогда Пискунов рванулся из объятий Рябкина.

- Пустите, Рябкин.

Рябкин не ответил. Костенко подошел с другой стороны и крепко взял Пискунова за плечи.

А Урма бушевал. Нижняя часть его тела была плотно зажата бульдозерами, но верхняя двигалась свободно, и он молниеносно поворачивался из стороны в сторону, наотмашь колотя стальными кулаками по железным щитам. Ключья пара крутились над ним, в снеговой мгле. "Живая сила удара кулака - триста кило", - вспомнил Костенко.

Николай Петрович, стиснув зубы, сидел на корточках между бульдозерами в ногах Урма и ждал подходящего момента. От лязга и грохота болели уши. Он знал, что Урма заметил его - стеклянные глаза, то и дело настороженно мерцая, обращались к нему.

- Тише, тише, - одними губами шептал Николай Петрович. - Урма, голубчик, тише! Да тише же ты, подлец!

Какой-то новый звук возник при ударах, что-то треснуло - не то стальная рука Урма, не то щит бульдозера. Медлить больше было нельзя. Николай Петрович нырнул под кулак Урма и прижался к его боку. И тут Урма снова поразил всех. Руки его упали. Грохот прекратился, снова стало слышно, как воет пурга над полем и фыркают моторы тракторов. Николай Петрович, бледный и потный, выпрямился и протянул руки к груди Урма. Раздался сухой щелчок. Зеленые и красные огоньки на плечах Урма погасли.

- Все, - просипел Пискунов и закрыл глаза.

Люди сразу заговорили преувеличенно громко, послышались смех и шутки. Водители помогли Николаю Петровичу выбраться из-под Урма и под руки свели его на землю. Пискунов обнял его и поцеловал.

- А теперь, - сказал он отрывисто, - в институт будем работать.

Понадобится - неделю, месяц... Надо выбить из него эту дурь и сделать его все-таки Урмом - Универсальной рабочей машиной.

- Так что же случилось с Урмом? - спросил Костенко. - И что такое спонтанный рефлекс?

Николай Петрович, усталый и осунувшийся после бессонной ночи, сказал:

- Видишь ли, Урма конструировался по заказу Управления межпланетных сообщений. Тем он и отличается от других самых сложных кибернетических машин, что предназначен для работы в условиях, которые не в состоянии предсказать точно даже самый гениальный программист. Например, на Венере. Кто знает, каковы там условия? Может быть, она покрыта океанами. А может быть, пустынями. Или джунглями. Послать туда людей пока невозможно -

слишком опасно. Будут посланы Урмы, десятки Урмов. Но как их запрограммировать? Все горе в том, что при нынешнем уровне кибернетики нельзя еще научить машину "мыслить" абстрактно...

- То есть?

- Для машины нет собаки вообще. Для нее есть только та, другая, третья собака. Встретив четвертую, не похожую на первых трех, машина уже не будет знать, что делать. Грубо говоря, если Урм запрограммирован на определенную реакцию только в отношении дворняги, он не сможет реагировать так же в отношении мопса. Простой пример, конечно, но полагаю, ты меня понимаешь. В этом и есть одно из основных отличий самой умной машины от самого глупого человека - неспособность оперировать абстрактными категориями. Так вот, Пискунов попытался возместить этот недостаток путем создания самопрограммирующейся машины. "Мозгу" Урма была задана рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы заполнять самостоятельно пустующие ячейки памяти. Пискунов рассчитывал, что "набравшись впечатлений", Урм будет способен без помощи человека подбирать наиболее выгодные линии поведения для каждого нового случая. Это самая совершенная в мире модель сознания. Но результат получился неожиданный. То есть теоретически Пискунов допускал такое явление, однако практически... Короче говоря, новая рефлекторная дуга породила десятки вторичных, не предусмотренных программистами рефлексов Пискунов окрестил их спонтанными рефлексами. С их появлением Урм перестал действовать по своей основной программе и начал "вести себя".

- Что же теперь делать?

- Будем идти по другому пути. - Николай Петрович потянулся и зевнул.

- Будем совершенствовать анализаторские способности "мозга", рецепторную систему...

- А как же спонтанный рефлекс? Никто им не интересуется?

- Ого! Пискунов уже что-то задумал... Одним словом, первыми на неизведанных планетах и в неизведанных океанских глубинах будут все-таки Урмы. Людьюми рисковать не придется... Слушай, Костенко, давай пойдем спать, а? Будешь у нас работать и все узнаешь, даю тебе слово.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Борис СТРУГАЦКИЙ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

"...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным..."

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной спокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолет разгрузился - продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, - принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка - жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от эрбиевой долины.

Теперь, как и все на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина - и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрипнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

- Не может быть, - громко и уверенно сказал Виктор Борисович. Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

- Мама моя, - сказал Виктор Борисович. Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

- Муха в планетолете, - сказал он и поглядел на кулак с изумлением.

- Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало. В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа - голубой побольше, белый поменьше - Земля и Луна.

- Здравствуй, Тум, - сказал Виктор Борисович. Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами. - А ну, угадай, что у меня здесь, - сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

- Дирижабль, - ответил Туммер.

- Нет, не дирижабль, - сказал Виктор Борисович.

- Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

- Ферритовый накопитель работает скверно.

- Я сменю, - сказал Виктор Борисович. - Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на полянке.

- Меня бы она не разбудила, - сказал Туммер сквозь зубы.

- Шуршит, - нежно произнес штурман, - шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

- Виктор, - сказал Туммер, - ну что у тебя за лицо?

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

- Я же говорил - не спит, - сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

- С ним что-то случилось, - ядовито сказал Туммер. - Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

- Я поймал муху.

- Ну да? - удивился Лидин.

- Я спать пойду, Константин Ефремович, - сказал Туммер.

- Виктор, принимай вахту.

- Погоди, - сказал Виктор Борисович.

- А ну, покажи, - потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

- Откуда на корабле муха? - спросил капитан.

- Не знаю, - ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами. - Она жужжит совершенно как шмель, - сообщил он.

- Осторожно, Витя, - с придыханием сказал Лидин, - ты ломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

- Все-таки откуда на корабле муха? - спросил капитан. - Это, между

прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

- Вот именно, - сказал Туммер. - Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

- Слышу, - сказал штурман. - Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Малышеву.

Он тоже давно не видел мух. Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

- Мухолов, - сказал Туммер презрительно. Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

- Осторожно, - сердито сказал он. Малышев извинился. У него был встрепанный вид и растерянные глаза.

- Дело в том, что... - начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана.

- Можно? - спросил он, протягивая руку.

- Мухи, - с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

- У нее восемь ног, - сказал Малышев медленно.

- Ай-яй-яй, - сказал Туммер. - И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

- Это не муха, - сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза.

- Я думал, что это траурница - антракс морио. Но это не муха.

- А что же это? - осведомился штурман несколько раздраженно.

- Послушайте, - сказал Малышев. - Какие у вас есть дезинсекторы? И потом мне нужен микроскоп.

- Да в чем дело? - спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

- Послушайте, - повторил Малышев, - мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

- Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал:

- Муха!

Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями. В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стенкам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя как шмели.

- 3-забавные мухи, - неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

- Дрянь, - сказал он.

- Что случилось? - сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

- Я же сказал: это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

- Мама моя, - проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

- Ах, вот оно что, - сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь.

- Пшла! - крикнул он, судорожно отмахиваясь.

- Нужен дезинсектор, - сказал капитан. - Что у нас есть?

- Есть леталь, - сказал штурман.

- Еще?

- Все.

- Хорошо, - сказал капитан. - Я сам это сделаю. Ступайте помойте руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

- Бросьте вы эту гадость, - сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

- Она мне нужна, - ответил Малышев. - Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и

намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал. Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что - метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек - два пилота и трое ученых, - и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чавкало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам. Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

- Откуда они берутся? - спросил он сипло. - М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

- Спокойно, - сказал Виктор Борисович. - Спокойно, бортинженер. Ты куда?

- Мыться.

- Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором "Леталь". Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

- Пять с половиной минут, - сказал Туммер. - Что же ты, голубушка?

Пора.

- Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? - спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь: "Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца". Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

- Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене.

Станкевич рассеянно кивнул.

- Где Лидин? - спросил он.

- Моется. Дезинфицируется, - сказал Туммер.

- Слушать меня, - сказал капитан. - Всем надеть защитные спецкостюмы.

Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух действует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

- Что? - сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: - Да, возможно. Не исключено.

- У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

- Слюни, - тихонько сказал Туммер. Станкевич холодно взглянул на него.

- Оставьте ваши остроумия при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

- В вашем распоряжении, - быстро сказал Малышев. - Но мне нужен микроскоп.

- Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

- Слушаюсь, - сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха. Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

- В коридоре мух - не протолкнешься, - сказал он. - Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки - единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

- Как там наши? - спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

- Костя злой как черт, - сказал Туммер. - Этих мух ничего не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

- А он не говорит, откуда они взялись?

- Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

- Блуждающая жизнь, - сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм. - Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

- Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

- А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

- Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудение не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силиконовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

- Эй, кто там? - крикнул Виктор Борисович. - Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

- Чепуха, - сказал он вслух и вернулся к пулту. В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил? - подумал он. Гадость все-таки, ядовитая или нет - все равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкой. Мошкара суетливо ползала по расплюснутому брюху - крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться - она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная.

Мошкара ползала по пультам, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

- Штурман проветривает рубку, - раздался в наушниках голос Туммера. В рубку вошли четверо в блестящих силиконовых костюмах и серебристых шлемах.

- Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? - спросил капитан.

- Дверь? - Виктор Борисович оглянулся на дверь. - Я не открывал ее.

- Дверь была открыта, - сообщил капитан. Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

- Я не открывал дверь, - повторил он. Он снова оглянулся на дверь.

Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове. Лидин сказал нетерпеливо:

- Давайте решать, что делать дальше.

- Штурман не в курсе дела, - сказал капитан. - Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

- Аппаратура у вас неважная, - сказал он. - Микротом, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно Туммеру: "...взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать..."

- Словом, так, - сказал Малышев. - Состав у них странный - кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

- Пауков бы сюда, - сказал Лидин, - старых матерых крестовиков...

- Совершенно неясно, - продолжал Малышев, - чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

- Я все-таки не понимаю, - сказал Туммер. - Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

- Не ищи, - сказал штурман, - даже не пробуй.

- Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

- Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

- Слушать меня! - сказал он. - Я решил очистить корабль от мух.

- Каким образом? - осведомился Малышев.

- Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление - можно использовать запасы жидкого водорода - и откроем люки...

- Мама моя! - пробормотал штурман.

- ...впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток

сжатого водорода выбросит эту гадость.

- Идея, - сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

- Все равно мы так не избавимся от спор, - сказал он.

- Спор, я думаю, на корабле не осталось, - сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление. - Они все развились.

- Мы избавимся от мух, - сказал Лидин. - От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

- Слушайте, - сказал Виктор Борисович, - я, кажется, понял. Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

- Что ты понял? - спросил Туммер.

- Так, - сказал Станкевич. - Пойдемте за вакуум скафандрами. Лидин, помогите Малышеву надеть скафандр.

- Мушки повымерзнут, - сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгущались сумерки - кучи мух облепили осветительные трубки.

- Слушайте, - сказал Виктор Борисович. - Вы знаете, почему открывалась дверь?

- Какая дверь, штурман? - нетерпеливо спросил капитан.

- Которая дверь? - спросил Туммер.

- Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

- Ну?

- Вот в чем дело, - торопливо сказал Виктор Борисович. - Дверь открывается наружу, так? В коридоре падает давление, так? Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

- Ничего не понимаю, - сказал капитан.

- Мухи, - сказал Виктор Борисович.

- Ну, мухи, - сказал Туммер. - Ну?

- Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

- Расходомеры показывают, медленно сказал он, - что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

- Великолепно, - проговорил Малышев.

- Ну и твари, - сказал Лидин. - Вот так твари.

- Я же говорил, - сказал Туммер. - Это всего-навсего восьминогие мухи.

- Логически рассуждая, - заметил биолог, - атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

- Что ж, это упрощает, - сказал капитан. - Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан спросил:

- Туммер, циркуляция?

- Выключена.

- Штурман, люки?

- Открыты... За исключением внешних.

- Лидин, состояние вакуум-скафандров?

- Проверено, товарищ капитан.

- Начнем, - сказал капитан. Виктор Борисович нагнулся к манометру.

Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

- Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? - осведомился капитан.

- Пока нет, - сказал Лидин. Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется Туммер.

- Будьте здоровы, - вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворочалась. "Ага!" - злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

- Внимание, - сказал капитан. Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин - за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка - широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, - раскрылись мгновенно и одновременно. Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморось на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

- Как хорошо! - сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

- Внимание, - сказал капитан. - Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморось на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль я был снова подан воздух.

- Вот и все, - сказал Станкевич. - Пока по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

- Может быть, все это нам приснилось? - задумчиво сказал Лидин.

- Сладостное сновидение, - сказал Туммер. А Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

- А это что у вас, товарищ Малышев?

И в кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

- Ничего особенного, - сказал он и сразу насупился.

- Товарищ Малышев! - ледяным голосом сказал капитан.

- Что, товарищ Станкевич? - отозвался биолог.

- Дайте сюда эту штуку.

- Мама моя, - сказал Виктор Борисович, - у вас там мухи!

- Ну и что же? - сказал биолог. Лидин побледнел, затем покраснел.

- Немедленно уничтожьте эту гадость, - сказал он сквозь зубы. - В реактор ее, немедленно!

- Спокойно, бортинженер, - сказал Виктор Борисович. Малышев стряхнул с себя пуловер и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

- Мне стыдно за вас, товарищи, - объявил он.

- Ему стыдно за нас! - Лидин так и взвился.

- Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

- Да вы представляете, - сказал Лидин, - что будет если хоть одна муха попадет в земную атмосферу?

- Вы знаете, как они размножаются? - спросил штурман.

- Знаю. Видел. Это все чепуха. - Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло. - Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может - не может, понимаете? - угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

- Малейшая ваша неосторожность, - упрямо сказал Лидин, - и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щелкнул пальцами.

- Вот, - сказал он. - Пусть они даже расплодятся на планете, и я берусь в два дня вывести двадцать две рас азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

- Черт знает, что вы говорите, - проворчал Станкевич.

- Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

- Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло? - спросил он.

- Нет, - сказал Станкевич. - Еще нет.

- Нет? Ладно, - сказал Малышев. - Во-первых, в наших руках, - он похлопал себя по карману, - уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырье - воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите - в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

- Гудят, - сообщил он. - Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

- Моя улитка, - сказал он и кинулся из рубки. Межпланетники переглянулись.

- Биология - царица наук, бортинженер, - сказал Туммер.

- Много я знаю о небелковой жизни! - сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

- Все хорошо, что хорошо кончается, - сказал он, глядя на Туммера. - Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. (Мама моя, - подумал он, - еще не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?)

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над доннышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

- Это был такой экземпляр, - жалобно сказал Малышев, - такой экземпляр!

- Зато у вас теперь есть мухи, - сказал штурман. - А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдемте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

НОЧЬ НА МАРСЕ

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Нового дал задний ход и крикнул Манделю: "соскакивай!" Краулер задержался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой кверху. Тогда Нового выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону, а песок под ним оседал и

проваливался, но Новаго все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Манделя, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа "ящерица" может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер "ящерица" был легкой быстроходной машиной - пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

- Каверна, - хрипло сказал Новаго. - Не повезло, надо же...

Мандель повернул к Новаго лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

- Да, не повезло, - сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце - маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

- Ну ладно, - сказал Мандель и поднялся. - Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя. - Он кивнул в сторону каверны. - Или можно?

Новаго покачал головой.

- Нет, Лазарь Григорьевич, - сказал он. - Нам его не вытащить.

Раздался длинный, сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

- Да, пожалуй, не вытащить, - сказал Мандель. - Тогда надо идти, Петр Алексеевич. - Пустяки - тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Новаго смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Мандель поглядел на часы.

- Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

- В полночь, - сказал Новаго с сомнением. - Вот именно в полночь.

"Осталось километров тридцать, - подумал он. - Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у них есть инфракрасные очки, но все равно дело дрянь. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, вернуться на базу и взять другой краулер? До базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и мы прибудем на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!"

- Ничего, Петр Алексеевич, - сказал Мандель и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. - Пройдем.

- А где инструменты? - спросил Новаго.

Мандель огляделся.

- Я их сбросил, - сказал он. - Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

- Пошли, - сказал Новаго.

- Вот они, - повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. -

Пошли?

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Новаго с кислородными баллонами, системой отопления, в меховой одежде и свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Мандель шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

- За краулер мне страшно влетит от Иваненки, - сказал Новаго после долгого молчания.

- При чем здесь вы? - возразил Мандель. - Откуда вы могли знать, что здесь каверна? И воду мы как-никак нашли.

- Это вода нас нашла, - сказал Новаго. - Но за краулер все равно влетит. Знаете, как Иванченко: "за воду спасибо, а машину вам больше не доверю".

Мандель засмеялся:

- Ничего, обойдемся. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Глядите, какой красавец!

На гребне недалекого бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон - двухметровый ящер, крапчато-рыжий, под цвет

песка. Мандель кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

- Прекрасен, горд и невозмутим, - заметил Мандель.

- Ирина говорит, что их очень много на плантациях, - сказал Новаго. - Она их подкармливает...

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли; вокруг пятен, ошетинясь длинными иглами, желтели шары кактусов. Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

- Бедный Славин, - сказал Мандель. - Вот беспокоится, наверное.

- Я тоже беспокоюсь, - проворчал Новаго.

- Ну, мы с вами врачи, - сказал Мандель.

- А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стоял профессор...

- Ничего, - сказал Мандель. - Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Манделю попал колючий шар. Мандель ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

- Удар - и мяч медленно выкатывается на свободный, - сказал Мандель.

- Меня беспокоит другое: как будет ребенок развиваться в условиях уменьшенной тяжести?

- Это меня как раз совсем не беспокоит, - сердито отозвался Новаго. - Я уже говорил с Иванченко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Мандель подумал.

- Это мысль, - сказал он.

Когда они оглядели последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Новаго взвился высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака.

- Ох! - вскрикнул Новаго.

Мандель засмеялся.

- Ну что за мерзость! - плачущим голосом сказал Новаго. - Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу дохи.

- Мерзость! - прошипел Новаго, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Шар свалился на песок. Ему было решительно все равно. Так он и будет лежать - совершенно неподвижно, засасывая и сжимая в себе разряженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпустит его с оглушительным свистом и ракетой перелетит метров на десять - пятнадцать.

Мандель вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

- Девятнадцать тридцать пять, - пробормотал он. Солнце сядет через полчаса.

- Что вы сказали, Лазарь Григорьевич? - спросил Новаго.

Он тоже остановился и оглянулся на Манделя.

- Блеяние козленка манит тигра, - произнес Мандель. - Не разговаривайте громко перед восходом солнца.

Новаго огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

- Да, - сказал Новаго, озираясь, - громко разговаривать не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Мандель поморгал заиндеветыми ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет за отворот правого унта. Новаго тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

- Вы стреляете левой? - спросил Мандель.

- Да, - ответил Новаго.

- Это хорошо, - сказал Мандель.

- Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть

выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

- Пошли, - сказал Мандель.

- Пошли, Лазарь Григорьевич. Только теперь мы пойдем гуськом.

- Ладно, - весело согласился Мандель. - Чур, я впереди.

И они пошли дальше: впереди Мандель с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Новаго. "Как быстро темнеет, - думал Новаго. - Осталось километров двадцать пять по пустыне в полной темноте... И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например, или из-за той, подальше. - Новаго зябко поежился. - Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверны? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пеленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Мандель оперировал. Темнеет и темнеет. Марк, наверное, места уже не находит. То и дело бегают на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащатся пешком по ночной пустыне. Ирина успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок здесь, на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина! Но на их месте я бы воздержался от ребенка. Ничего, все будет благополучно. Только бы нам не задержаться..."

Новаго все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Мандель тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

- Эхой, друзья! - крикнул тот, что был повыше.

Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин за плечо и помахал рукой.

- Эге, - сказал Новаго с облегчением. - А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! - радостно заорал он.

- Какая встреча! - сказал, подходя, долговязый Гэмфри Морган. - Добрый вечер, доктор, - сказал он, пожимая руку Манделя. - Добрый вечер, доктор, - повторил он, пожимая руку Новаго.

- Здравствуйте, товарищи, - прогудел Опанасенко. - Какими судьбами?

Прежде чем Новаго успел ответить, Морган неожиданно сказал:

- Спасибо, все зажило, - и снова протянул Манделю длинную руку.

- Что? - спросил озадаченный Мандель. - Впрочем, я рад.

- О нет, он еще в лагере, - сказал Морган. - Но он тоже почти здоров.

- Что это вы так странно изъясняетесь, Гэмфри? - осведомился сбитый с толку Мандель.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

- Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической "техник".

- Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин.

Морган засмеялся и сообщил, что девушка Галя с базы здесь совершенно ни при чем. Опанасенко безнадежно махнул рукой и спросил:

- Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

- Да, - сказал Новаго. - К Славиным.

- Ну, правильно, - сказал Опанасенко. - Они вас очень ждут. А почему пешком?

- О, какая досада! - виновато сказал Морган. - Не могу слышать совсем ничего.

Опанасенко опять притянул его к себе и крикнул:

- Подожди, Гэмфри! Потом расскажу!

- Гуд, - сказал Морган. Он отошел и, оглядевшись, стащил с плеча карабин. У следопытов были тяжелые двустольные полуавтоматы с магазинами на двадцать пять разрывных пуль.

- Мы потопили краулер, - сказал Новаго.

- Где? - быстро спросил Опанасенко. - Каверна?

- Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

- Каверна! - радостно сказал Опанасенко. - Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Гэмфри Морган стоял к ним спиной и вертел головой в капюшоне,

разглядывая темнеющие барханы.

- Ладно, - сказал Опанасенко. - Это после. Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Мандель похлопал себя по ноге.

- А как же, - сказал он.

- Та-ак, - сказал Опанасенко. - Придется вас проводить. Гэмфри! Черт, не слышит...

- Погодите, - сказал Мандель. - Зачем это?

- Она где-то здесь, - сказал Опанасенко. - Мы видели следы.

Мандель и Новаго переглянулись.

- Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, - нерешительно сказал Новаго, - но я полагал... В конце концов мы вооружены.

- Сумасшедшие, - убежденно сказал Опанасенко. - У вас там, на базе, все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем - и вот, пожалуйста. Ночью. Через пустыню. С пистолетами. Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

- По-моему, в данном случае... - начал он, но тут Морган сказал: "ти-хо!", и Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с канадцем.

Новаго тихонько крикнул и потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось - над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Гэмфри сказал: "Ошибка. Прошу прощения", и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

- Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

- Гуд. Я иду, - сказал Морган.

- Мы идем вместе! - крикнул Опанасенко.

- Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

- О, это не нужно! Это спрятать.

- Да-да, пожалуйста, - сказал Опанасенко. - И не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Мандель стыдливо сунул пистолет в глубокий карман дохи и перехватил саквояж в правую руку. Новаго помедлил немного, затем снова отпустил пистолет за отворот левого унта.

- Пошли, - сказал Опанасенко. - Мы поведем вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Манделя шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Новаго вышагивал Морган. Карабин на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо - серым и пустым. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

- А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? - спросил Мандель. - Вода?

- Ну как же, - сказал Опанасенко, не оборачиваясь. - Во-первых, вода, а во-вторых - в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

- Ах, да, - сказал Мандель. - Конечно.

- В нашей каверне вы найдете целый краулер, - мрачно проворчал Новаго.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

- Зыбучка, - проговорил позади Морган. - Очень опасно.

Зыбучие пески были настоящим проклятием. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков - добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях базы.

- Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, - сказал Мандель, - что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

- Да, - сказал Опанасенко. - В том то и дело.

- А вы нашли что-нибудь за последнее время? - спросил Новаго.

- Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А

по нашей линии - ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Мандель сказал глубокомысленно:

- Пожалуй, ничего странного в этом нет. На земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большое сотня тысяч лет. А здесь - десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

- Да мы и не очень жалуемся, - сказал Опанасенко. - Мы сразу получили такой жирный кусок - два искусственных спутника. Нам даже копать ничего не пришлось. И потом, - добавил он, помолчав, - искать не менее интересно, чем находить.

- Тем более, - сказал Мандель, - что освоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

- Петр Алексеевич, Лазарь Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

- Гэмфри прав, - виновато сказал Опанасенко. - Давайте лучше молчать.

Они миновали гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами солончаки.

"Опять, - подумал Новаго. - Опять эти кактусы". Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфракрасный свет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. "Очень красиво! - подумал Новаго. - Может быть, ночью они взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы натянуты: Опанасенко сказал, что она где-то здесь..." Новаго попытался представить себе, каково было бы им сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных людей с их тяжелыми смертоубийственными пушками наготове. Запоздалый страх морозом прошел по коже, словно наружный мороз проник под одежду и коснулся голого тела. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, умеет Мандель стрелять? Умеет, конечно, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно... "Не догадался взять ружье на базе, дурак! - подумал Новаго. - Хороши бы мы сейчас были без следопытов... Правда, о ружье некогда было думать. Да и сейчас надо думать о другом. О том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это поважнее. Это сейчас вообще самое важное - важнее всего".

"...Она всегда нападает справа, - думал Мандель, - все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. И непонятно, почему она вообще нападает. Как будто последний миллион лет она только тем и занималась, что нападала справа на людей, неосторожно удалившихся ночью пешком от базы. Понятно, почему на удалившихся. Можно себе представить, почему ночью. Но почему на людей и почему справа? Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа или трудно уязвимые слева? Тогда где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикродона. Впрочем, она тоже появилась всего месяц назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое, пришлось ставить ему искусственное легкое и два ребра. Судя по ране, у нее необычайно сложный ротовой аппарат. По крайней мере, восемь челюстей с режущими пластинками, острыми, как бритва. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати... - Мандель быстро огляделся по сторонам. - Вот бы мы сейчас шли вдвоем... - подумал он. - Интересно, умеет Новаго стрелять? Наверное, умеет, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он хорошо это придумал - центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы..."

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие траншеи, пирамидальные кучи песка. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

"Экскаватор надо увести, - подумал Опанасенко. - Что он здесь зря болтается? Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу. Жаль, что он такой тихоходный - по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров пятьдесят. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиogramму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Славин. Но это все-таки здорово - на Марсе будет малыш! Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: "я родился

на Марсе". Только бы не опоздать. - Опанасенко пошел быстрее. - А доктора каковы! - Подумал он. - Воистину, докторам закон не писан. Хорошо, что мы их встретили. На базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью. Хорошо бы ввести патруль, а еще лучше - облаву. На всех краулерах и вездеходах базы".

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, шагал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат е-ии; что теперь придется пять вечеров подряд чистить "федор'з ган"; что придется еще чинить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи молодцы и смельчаки и что Ирина Славина тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец - превосходный товарищ, но в последнее время он тоже зачастил на базу. Правда, трудно спорить - Хасэгава умен. Это он первый подал мысль о том, что охота на "летающую пиявку" ("сора-тобу хиру") может иметь прямое отношение к задачам следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих... О, эти двуногие... Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше ничего...

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановились, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

- Что случилось? - спросил Новаго, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

- Она здесь, - негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану.

Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь протащили мешок с чем-то тяжелым. Колея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

- Вот и все, - сказал Опанасенко. - Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Новаго заметил, что Мандель снова переложил саквояж в левую руку, а правую в карман дохи. Новаго усмехнулся, но ему было нехорошо. Он испытывал страх.

- Что ж, - сказал Мандель неестественно веселым голосом. - Раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

- Давайте, - сказал Опанасенко. - А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

- Зачем? - оскорбленно спросил Мандель.

- Лежачего она не трогает, - пояснил Опанасенко.

- Ах да, правда.

- Остается пустяк, - проворчал Новаго. - Узнать, когда она прыгает.

- А вы это заметите, - сказал Опанасенко. - Мы начнем палить.

- Интересно, - сказал Мандель. - Нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах... Да! - воскликнул он. - Может быть она принимает нас за мимикродонов?

- Мимикродонов не стоит отслеживать и нападать на них именно справа, - сказал Опанасенко немного раздраженно. - К ним можно просто подойти и есть - с хвоста или с головы, как угодно.

Через четверть часа они снова пересекли колею и еще через десять минут другую. Мандель замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

- Минут через пять она прыгнет, - напряженным голосом сказал Опанасенко. - Теперь она справа от нас.

- Интересно, - тихонько сказал Мандель. - Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

- Да помолчите же, Лазарь Григорьевич, - сказал сквозь зубы Новаго.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Новаго зазвенело в ушах; он увидел двойную вспышку выстрелов, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. Бах-бах, бах-ба-бах! - гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песок. На мгновение Новаго показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Новаго бросился животом в песок. Тах, тах, тах! - Мандель стоял на одном колене и, держа

пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежутки между Морганом и Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах! - гремели карабины. Теперь следопыты стреляли по очереди. Новаго увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски.

Затем наступила тишина.

- Отбили, - сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхивая песок с колен.
- Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

- Я попал в нее один раз, - громко сказал Гэмфри Морган. Было слышно, как он со звоном вытащил пустую обойму.

- Ты разглядел ее? - спросил Опанасенко. - Да он же не слышит.

Новаго, кряхтя, поднялся и посмотрел на Манделя. Мандель, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру. Новаго сказал:

- Ну знаете, Лазарь Григорьевич...

Мандель виновато покашлял.

- Я, кажется, не попал, - сказал он. - Она передвигается с исключительной быстротой.

- Оч-чень рад, что вы не попали, - с сердцем сказал Новаго. - Здесь было много мишеней!

- Но вы видели ее, Петр Алексеевич? - спросил Мандель. Он нервно потирал руки в меховых перчатках. - Вы разглядели ее?

- Серая и длинная, как щука.

- И у нее нет конечностей! - возбужденно сказал Мандель. - Я совершенно отчетливо видел, что у нее нет конечностей. И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

- В такой кутерьме, - сказал Опанасенко, - очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть. - Он засмеялся. - Ну ладно, товарищи. Самое главное - нападение мы отбили.

- Я пойду поищу тело, - неожиданно сказал Морган. - Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

- Что ты сказал, Федор? - спросил Морган.

- Ни в коем случае, - сказал Новаго.

- Нет, - сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул: - Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Мандель поглядел на часы.

- Ого! - сказал он. - Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

- Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

- Отлично, - сказал Мандель. - А где мой саквояж? - Он завертелся на месте. - А, вот он...

- Пойдем, как раньше, - сказал Опанасенко. - Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

- Теперь бояться нечего, - проворчал Новаго. - У Лазаря Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Новаго - в пяти шагах позади Манделя, впереди и правее - Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее - Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами... Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненки, и он улыбнулся. Он скажет Иваненке: "На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости".

"Какова ночка! - думал Новаго. - Не хуже любой из тех, когда я заблудился в тайге. А самое главное еще и не начиналось и кончиться не раньше, чем к пяти утра. Завтра в пять, ну, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы Мандель не подкачал. Нет, Мандель не подкачает. Папаша Марк Славин может быть спокоен. Через несколько месяцев мы будем всей базой таскать парня на руках, однообразно вопрошая: "А кто это у нас такой маленький? А кто это у нас такой пухленький?" Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой. И вообще пора вызвать с земли хорошего педиатра... Парню совершенно необходим педиатр. Жаль вот, что

следующие корабли будут только через год".

В том, что родится именно парень, Нового не сомневался. Он очень любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: "А кто это у нас такой маленький?"

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ПЕРВОМ ПЛОТУ

На попутной машине Марков добрался до поворота на Сельцы, дал шоферу полтинник и выпрыгнул из темной кабины. Мороз был градусов пятнадцать. Марков сразу понял это, когда почувствовал, что слипаются ноздри. Он знал эту приметку: если ноздри слипаются, значит, ниже десяти. Грузовик заворчал, буксанул задними колесами в обледеневшей колеи и ушел за поворот, оставив горький на морозе, едкий запах бензинового перегара. Марков остался один. Он очень любил эту минуту: попутка скрывается за поворотом, остается только тихий, заваленный снегом лес, да сугробы вокруг, да серое низкое небо над головой, а он один, с рюкзаком и ружьем за спиной, мороз пощипывает щеки, воздух восхитительно свеж и вкусен, а впереди - две недели охоты, целых две недели молчаливого леса, и следов на снегу, и тягучих зимних вечеров в теплом домике лесника, когда ни о чем можно не думать, а только радоваться здоровью, снегу, спокойным добрым людям и размеренному течению дней, похожих друг на друга.

Марков встал на лыжи, поправил за плечами рюкзак и, перебравшись через кювет, вошел в лес по невидимой, но знакомой тропинке, ведущей к дому лесника Пал Палыча. Некоторое время он еще слышал гудение грузовика, а потом и оно стихло, только поскрипывал и шелестел под лыжами наст да где-то вдалеке каркали вороны.

До домика было километров восемь. Следов было немного, но Марков знал, что Пал Палыч не оставит его милостями и все еще будет: и следы, и тетерева, с грохотом вылетающие из-под снега, и выстрелы, и то до боли острое, азартное ощущение, когда точно знаешь, что попал, и огромная птица тяжело ухает в сугроб, и кажется, что земля вздрагивает от удара.

Обычно дом Пал Палыча встречал Маркова приветливым шумом. Зычно гавкал, гремя на весь лес цепью, здоровенный Трезор. "Цыц, бешеный!" - грозно кричала на него бабка Марья, мать Пал Палыча; и вдруг ни с того ни с сего принимался орать петух. Но на этот раз все было тихо, и Марков даже подумал, что дал вправо, как вдруг открылась полянка и он увидел дом. Он сразу почувствовал, что случилась какая-то беда. Калитка была распахнута, двор пуст, и стояла тишина, странная и недобрая.

Он все еще не понимал, откуда это ощущение беды; а потом сразу понял: слишком много распахнутых дверей. Дверь в дом была раскрыта настежь, и дверца курятника была сорвана и валялась в стороне, и дверь хлева тоже, и почему-то была раскрыта дверь на чердак. Одно из окон в доме разбито, будка Трезора перевернута, по всему двору разбросаны рыжие перья, а истоптанный снег забрызган красными пятнами. Сдерживая дыхание, Марков торопливо снял лыжи и пошел в дом. В доме все двери тоже были распахнуты, в разбитое окно тянуло морозом, но было еще тепло. Марков позвал: "Эй, хозяйева!", но никто не откликнулся, да он и не ждал, что откликнутся. В комнатах было, как всегда, чисто и прибрано, но в сенях валялся на полу большой тулуп.

Марков вышел во двор, покричал, приставив ладони ко рту, и побежал вокруг дома. Из-под ног у него выскочил полосатый старухин кот Муркот и, надувши хвост, опрометью взлетел на крышу курятника. Марков остановился и позвал его, но кот посмотрел косо и, прижав короткие уши, так злобно и яростно затянул "дуа-уа", что сразу стало ясно: кот тут видел такое, что не скоро успокоится и поверит в чьи-нибудь добрые намерения.

Обойдя вокруг дома, Марков встал на лыжи, сбросил рюкзак и перезарядил ружье. Патроны с "двойкой" он выбросил прямо в снег, а в стволы загнал "нулевку", самое солидное, что у него было. Он не сомневался, что совершено преступление, и, как ни дика была эта мысль, ничто другое не приходило ему в голову. Теперь он видел, что через калитку протащили по снегу что-то тяжелое, пачкающее кровью, и видел, что след этот тянется по поляне и исчезает за деревьями. Вокруг было множество следов, они показались Маркову какими-то странными, но не было времени разбираться. Он взял ружье на изготовку и пошел рядом с жуткой бороздой, где в развороченном снегу расплывались красные пятна. "Сволочи, - думал он с холодной ненавистью, - зверье..." Все ему было совершенно ясно: в свое время Пал Палыч задержал злостного браконьера, и тот, вернувшись после отсидки, явился с пьяными друзьями отомстить, и они убили Пал Палыча и его мать, а потом, протрезвев, перепугались и уволокли трупы в лес, чтобы спрятать. Он отчетливо видел заросшие хари и налитые водкой глаза и думал, что стрелять будет не в ноги, а как на фронте.

У самых деревьев след разделился. Вправо потянулась цепочка странных следов, и, когда Марков понял, что это такое, он остановился озадаченный. Это были следы босых ног. Там, где наст выдержал и не провалился, можно было отчетливо видеть отпечатки голых ступней. Это казалось необъяснимым, и некоторое время Марков колебался, не зная, что делать, но потом все-таки пошел дальше вдоль запачканной кровью борозды. Она тянулась, петляя между кустами, зеленые ветви елей над нею выпрямились, освобожденные от снежных шапок. Иногда борозду пересекала цепочка следов босых ног. Потом Марков заметил впереди какое-то движение и остановился, судорожно сжав ружье.

Впереди в кустах кто-то был - кто-то живой, пестрый, яркий, словно раскрашенная кукла. Он сразу замер, и Марков не мог как следует рассмотреть его. Сквозь заснеженный лапник просвечивали желтые и красные пятна, и Маркову казалось, что он слышит тяжелое дыхание. Он шагнул вперед и хрипло крикнул: "Кто там? Стрелять буду". Никто не отозвался. Потом краем глаза Марков заметил какое-то движение слева и резко повернулся, выставив вперед ружье.

Прямо на него из-за деревьев выбежал удивительный человек. Если бы этот человек был в полушубке или в ватнике и держал бы в руках топор или ружье, Марков автоматически упал бы боком в снег, выбросив на лету перед собой двустволку, и хладнокровно расстрелял бы его. Но человек был гол, весь размазан красным и желтым, а в руке у него была длинная заостренная палка. Марков, открыв рот, смотрел, как он бежит, с необыкновенной легкостью выдергивая ноги из снега. Затем человек замедлил бег, весь изогнулся и, дико крикнув, метнул в Маркова свое копьё. Марков инстинктивно присел и, не удержавшись на скрещенных лыжах, опрокинулся набок. Он был очень удивлен и испуган, и тем не менее странный полет копья даже тогда поразил его. Брошенное с силой, оно отделилось от руки размазанного человека и медленно поплыло по воздуху. Оно отстало от бегущего, а потом, все набирая скорость, обогнало его и пронеслось над головой Маркова с вибрирующим свистом. Марков еще слышал, как оно с треском врезалось в чашу, словно по кустам дали очередь разрывными пулями, но тут на Маркова навалились со всех сторон. Крепкие маленькие руки схватили его за лицо, опрокинули на спину, он почувствовал резкий неприятный запах, жестокий удар в подбородок, рванулся, и его оглушили.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в снегу под деревом. Слышались незнакомые голоса, какие-то неопределенные звуки, скрип. Неприятно и остро пахло. Он сразу все вспомнил и сел, опершись спиной о ствол. Перед ним была обширная поляна, и на ней - полно народу. У Маркова запестрело в глазах. Всюду сновали, крича во все горло, маленькие, голые, размазанные яркими красками люди. Рядом с Марковым такой же человек кричал и размахивал копьем. А на другом конце поляны грузно лежало в снегу длинное серое сооружение, похожее не то на ковчег, не то на огромный, чуть расплывшийся огурец. Один конец сооружения был тупо срезан, как корма корабля. Другой был заострен и приподнят.

Марков зачерпнул снег и потер лоб и щеки. Он был без шапки и без ватника, ружье куда-то пропало. Человек, стоявший рядом, повернулся к Маркову и что-то сказал, зябко шевеля губами. Вид у него был дикий и свирепый - широкое скуластое лицо, расписанное желтыми зигзагами, щетинистые желтые волосы, большие злые глаза. Видно было, что он сильно

замерз и челюсти у него сводит от холода.

- Что вам надо? - сказал Марков. - Кто вы такие?

Человек снова что-то сказал злым гортанным голосом, затем ткнул Маркова копьём. Копьё было тяжелое, тупое, без всякого наконечника. Марков с трудом встал на ноги. Его сразу затопило, закружилась голова. Человек снова выкрикнул несколько слов и снова ткнул его копьём, не сильно, но очень решительно. Марков, стараясь выиграть время, пока перестанет мутить, послушно пошел вперед, а человек двинулся за ним по пятам, время от времени постукивая его копьём то справа, то слева, указывая направление. Он гнал Маркова, как вола, а Марков чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог собраться с мыслями. Отчаянно болела голова.

Возле галеры Марков остановился и, обернувшись, посмотрел на своего погонщика. Тот что-то проорал, погрозил копьём и отошел в сторону. Тут все на поляне разразилось отчаянным воем, страшным визгом заверещала свинья, и Марков увидел, как ее волокут к борту галеры. Свинью подняли на руках и перевалили в узкую щель, которую Марков сначала не заметил. Люди на поляне перестали орать и размахивать копьями, сгрудились в толпу и тоже подошли к галере. Марков поймал себя на том, что пытается сосчитать их. Он насчитал три десятка маленьких размалеванных и еще четырех рослых людей с серой кожей. С рослыми обращались неуважительно: на них замахивались, кричали, то и дело подбегали к ним и толкали или пинали ногами, а те только, жмурясь, прикрывали лица и шли, куда их толкают. Это было тем более странно, что они как на подбор были здоровенные мужчины с огромными мускулами...

Гвалт стоял, как на вокзале во время эвакуации. Голова Маркова раскалывалась на части, так что он даже плохо видел. Он ощущал темя - там была огромная мягкая шишка, а волосы слиплись и смерзлись.

Серокожих рослых медленно подогнали к галере и построили в ряд возле Маркова, и это ему очень не понравилось, тем более что десяток маленьких копейщиков столпились напротив них в нескольких шагах, крича друг на друга и тыча пальцами в Маркова и рослых. Марков поглядел на своих соседей. Вид у них был забитый и удрученный, так что надеяться на них не приходилось. Тут Марков обнаружил свой ватник. Он был на одном из маленьких, пожалуй, на самом маленьком и размалеванном с головы до ног. Этот малыш кричал больше всех, яростно подпрыгивал, замахивался на других и пихался. Его слушались, но не очень. В конце концов он ударил кого-то древком по голове, подбежал к рослым, схватил одного за руку и потащил за собой. Тот слабо упирался, тихонько скуля. Все завопили, но потом разом смолкли и уставились на Маркова. Малыш в ватнике бросил рослого, подскочил к Маркову и схватил его за рукав. Марков рванулся и высвободился. Все заговорили, замахали руками и неожиданно полезли в галеру. У Маркова отлегло от сердца. Трое рослых забрались последними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Поляна опустела. Около галеры остались только малыш в ватнике, выбранный им верзила, стоявший понуро в тихом отчаянии, и Марков. Малыш обегал галеру кругом, посмотрел на небо, окинул взглядом поляну и верхушки деревьев и вдруг заорал диким голосом, уставив копьё в грудь рослому. Тот стал пятиться, уперся спиной в борт, не сводя глаз с копья, а малыш все наступал на него, оттесняя к корме. Марков тоже попятился к корме. За кормой все остановились, и малыш снова принялся прыгать, бесноваться и орать во все горло. Марков никак не мог понять, чего он хочет. - Чего ты орешь? - спросил он. Малыш заорал еще громче. Марков оглянулся на рослого. Рослый, расставив ноги, всем телом давил на широкую серую стену, нависавшую над ними. Видно, он пытался сдвинуть с места всю галеру, и это показало Маркову таким же бессмысленным, как если бы он пытался передвинуть двухэтажный дом. Но рослый не видел в этом ничего бессмысленного: он нутужно кряхтел, упираясь в корму грудью и напряженными руками. Тогда Марков тоже уперся в корму.

Корма возвышалась над головами метра на три. На ощупь она была не деревянной, скорее, она была сделана из какого-то минерала, серого, пористого, покрытого темными потеками. Малыш уперся копьём и тоже навалился. Все трое пыхтели от напряжения, толкая и упираясь, словно вытаскивая из грязи буксующую машину, и Марков хотел уже бросить эту дурацкую затею, как вдруг почувствовал, что корма подается. Он не поверил себе. Но корма подавалась, она уходила от него, и ему пришлось

переступить, чтобы не упасть. У него было такое ощущение, словно он сталкивал в воду тяжелый плот. Малыш поднял копьё и крикнул. Рослый остановился. Марков еще раз переступил и тоже остановился.

Это было необычайное зрелище: огромная неуклюжая галера медленно ползла на брюхе по снегу, воздух постепенно наполнялся скрипом. Рослый, косясь на малыша, стал медленно обходить корму. Малыш прикрикнул на него и ударил Маркова древком по плечу. Марков отскочил и развернулся. Малыш тоже отскочил и выставил перед собой копьё. Движения у него были стремительные и хищные. А рослый вдруг перестал красться и со всех ног пустился бежать за уползающей галерой. Галера ползла все быстрее.

Тогда малыш прыгнул в сторону и, обогнув Маркова, тоже помчался за галерой. Марков все еще не понимал, что происходит. Галера увеличивала скорость. Малыш обогнал рослого, подпрыгнул и ухватился за края щели. Навстречу ему потянулись руки, его схватили за руки, под мышки и потянули внутрь. Рослый взвизгнул, рванулся и ухватился за его ноги. Малыш ужасно заорал и выронил копьё. Галера уже не ползла, она скользила по воздуху, и скорость ее стремительно нарастала. С шумом рухнуло дерево, стоявшее на пути. Марков смотрел вслед. Это было жутко и грандиозно: огромное неуклюжее сооружение, грубое и угловатое, уходило в небо, все круче задирая нос. Некоторое время ноги рослого еще болтались в воздухе, затем его тоже втянули в щель. Галера свечой уходила к тучам. Марков услышал ревуший свист, словно летел реактивный самолет, и она скрылась. Рев затих, и Марков остался один.

Он обвел глазами поляну. Растоптанный снег, красные пятна на снегу, широкий прямой овраг до самой земли... Он пощупал темя. Было очень больно, и он застонал. Надо было добираться до жилья, а он не знал, где находится, и даже не пытался сориентироваться, так у него все перемешалось в голове.

Пошел снег, стало темнее. Держась за голову и постанывая на каждом шагу, Марков побрел вдоль борозды, оставленной галерой. Он увидел копьё, брошенное малышом, и поднял его, пытаясь рассмотреть, хотя от боли слезами застилало глаза. Копьё было тяжелое, черное, шершавое. Опираясь на него, Марков пошел дальше. Снег падал все гуще, и все сильнее болела голова, и скоро Марков перестал соображать, куда он идет и зачем. Пал Палыч с шумом допил чай из блюдца, поставил свою огромную расписную чашку под самовар и, повернув краник, смотрел, как закрученной струйкой бежит кипяток.

- Викинги, говоришь... - сказал он негромко.

Бабка Марья стучала топором, колола лучину для растопки. В доме было тепло, разбитое окошко заткнули тулупом. Марков сидел за столом, подперев рукой забинтованную голову.

- Плохо, брат, - сказал Пал Палыч. - Я как вернулся, увидел твой рюкзак, сразу подумал - плохо...

- Почему же плохо? - слабым голосом сказал Марков. - Наоборот! Открытие, Пал Палыч! Открытие!

- Н-да-а, - неопределенно прогудел Пал Палыч, отводя глаза и наливая в блюдце чай.

- Я думаю так, - продолжал Марков слабым голосом. - Прилетали они издалека, не знаю откуда, но есть у них там, наверное, дерево или какой-нибудь минерал с особыми свойствами. И стали они строить летающие корабли. Смелые, черти!.. - И он сморщился от тошноты.

Пал Палыч со стуком поставил блюдце на стол.

- Как это у тебя получается, Олег Петрович, - сказал он. - Не знаю, не знаю... Дикари голые, по воздуху летают и, значит, свиней воруют... Неувязочка! Брось ты про это думать, Олег Петрович. Выпей-ка ты еще чайку с малиной. Водки я тебе, пожалуй, больше не дам, пусть голова заживет, а чаек пей. Боюсь, не прохватило бы тебя...

Марков переждал, пока прошла тошнота.

- Надо немедленно сообщить в Москву, - сказал он. - Прямо в Академию наук. А что касается голых дикарей... Сто тысяч лет назад, Пал Палыч, наши предки, такие же вот дикари, сколотили первый плот и поплыли на нем вдоль берега. Они тоже не знали, почему плот плавает, почему дерево не тонет. Сто тысяч лет оставалось до Архимеда, да что там - многие не знают этого и сейчас. А предки плавали, строили плоты, потом лодки и - плавали. Ведь закон Архимеда понадобился только для тех, кто строил железные корабли, а деревянные прекрасно плавали и без закона. Так и эти... Им наплевать, почему этот материал летает по воздуху. Построили корабль, набили в него

и пошли добычу искать.

- Н-да, - сказал Пал Палыч. - Ты, Олег, вот что... Не хотел я тебе говорить, да, видно, надо сказать. Бред это у тебя, померещилось тебе.

Марков непонимающе уставился на него.

- Как это - бред.

- Так вот. Лесиной тебя оглушило. В беспамятстве ты все с себя посрывал, в одной тельняшке по лесу бродил. Ружье где-то бросил, так я его и не нашел...

- Постой, постой, Пал Палыч, - сказал Марков. - А дом пустой как же? А кровь на снегу? А следы?.. Окно выбито, все двери открыты... И кот Муркот...

Пал Палыч крикнул и почесал в затылке.

- Надо же, - сказал он, глядя веселыми глазами. - Как это у тебя все переделалось!.. Свинью я колол, Олег, свинью!.. А она у меня вырвалась и - с ножом - через двор да в лес! Я за ней, поскользнулся - в стекло въехал локтем... Понял? Трезора с цепи спустил, мать выскочила, тоже за свиньей побежала... Ведь верно, мать?

- Что это ты? - сказала бабка Марья.

- Свинью, говорю, колол! - заревел Пал Палыч.

- А?

- Свинью, говорю!

- Нет уж ее, - сказала бабка, качая головой. - Нет уж свинки...

- Ничего не понимаю, - сказал Марков.

- А тут и понимать нечего, - сказал Пал Палыч. - Академии наук тут не нужно. Вернулся я со свиньей, гляжу - твой рюкзак. Я по следу. Нашел сначала место, где тебя пришибло. Потом лыжи нашел. А потом уж к вечеру гляжу - сам идешь, за деревья держишься. Я было подумал, что обобрали тебя...

- Где это было? - спросил Марков.

- А километрах в пяти к северу, где мы с тобой в прошлом году зайца гоняли.

Марков помолчал, пытаясь вспомнить.

- А копьё? - спросил он. - Было при мне копьё?

Пал Палыч посмотрел на него, словно раздумывая.

- Ничего при тебе не было, - сказал он решительно. - Ни копыя, ни ватника. Так что брось это, забудь...

Марков медленно закрыл глаза. Голова, успокоившаяся было, снова начала болеть. "А может, и правда - бред", - подумал он.

- Пал Палыч, - сказал он, - дай-ка ты мне еще водки. Боюсь, не засну теперь.

- Болит? - спросил Пал Палыч.

- Болит, - сказал Марков. Летучий корабль... Летучие викинги... Не бывает такого и быть не может... Первые люди на первом плоту... Чепуха, поэзия.

Он кряхтя перебрался на лавку, где ему постелили.

Когда он заснул, Пал Палыч, накинув полушубок, прихватил инструмент и вышел во двор прилаживать дверцу курятника. За ночь снегопад кончился, солнце было яркое, снег во дворе сверкал девственной белизной. Пал Палыч работал со злостью и два раза стукнул себя молотком по большому пальцу, так что из-под ногтя выступила кровь. К нему подошла мать, пригорюнилась, подперла щеку рукой.

- Курей-то опять заводить будем, Пашенька? - сказала она.

- Заведем, - угрюмо ответил Пал Палыч. - И курей заведем, и свинью. Не впервой. У Москаленковых щенок хороший есть - надо взять... - Он встал и принялся отряхивать снег с колен.

- Чисто немцы - энти-то, - сказала бабка, всхлипнув.

- При немцах ты б в погребке не отсиделась, - сказал Пал Палыч. - Да и мне бы не уйти... Ты вот что, мать... Ты об этом никому ни слова, и особенно про палку, что я принес, а ты сожгла.

- Да я же не знала, Пашенька!.. Палка и палка.

- Ладно - сожгла и сожгла. А рассказывать все равно не надо. До Олега Петровича дойдет - очень обидится, а я его обижать не хочу. А чтобы он на тебя сердился, тоже не хочу. Поняла?

- Да поняла, - сказала бабка. - А палка-то, ох и красиво же она горела, эта палка! И красным, и синеньким, и зеленым - ну чисто изумруд!..

А кто же это были, Пашенька? Неужели опять немцы?

- Викинги! - сказал Пал Палыч сердито. - Викинги это были, дикие, понятно?

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Первые две страницы рассказа утрачены безвозвратно. Мы собирались, да так и не собрались их восстановить. Впрочем, насколько я помню, ничего особенно интересного там не было - сидит у себя на даче редактор, клянет дурную погоду и правит скучную рукопись. (Примечание Б.Стругацкого.)

...уравновешенными и добропорядочными людьми. Я вздохнул и посмотрел в окно. Дачный поселок спал. Было тихо, только дождь шуршал да подвывала во сне дворняга соседей. Мокрая, унылая, свернувшаяся в клубок под крыльцом. Я взялся за вторую папку и проработал еще часа полтора.

Академик успел стушеваться и уйти с головой в научную работу, аспирантка сделала небольшое открытие и ушла от Володи, когда сквозь шум дождя я услышал какие-то новые звуки. Сначала я подумал, что это мокрая дворняга бродит в палисаднике. Но потом кто-то отворил дверь в сени, и в сенях что-то загремело - наверное, канистра, в которой я носил керосин из лавки. В дверь постучали, и раньше, чем я ответил, дверь отворилась. На пороге стоял совсем незнакомый человек в очень странном костюме. От удивления я даже, кажется, открыл рот. Человек затворил за собой дверь и сказал:

- Извините, можно у вас погреться?

Я смотрел на него. Он был весь мокрый и грязный с ног до головы, и у него зуб на зуб не попадал от холода. Я на всякий случай встал и сказал нерешительно:

- З-заходите...

На нем была толстая куртка с множеством карманов, стеганая, словно ватник, а из-под куртки торчали ноги в черном балетном трико в обтяжку. Обуви на ногах не было никакой. Это уже само по себе было странно, но он еще весь был вывалян в грязи, даже лицо было в грязи, будто его километра три протащили по деревенской улице волоком.

Он присел на табурет и улыбнулся. Улыбнулся весело, но с трудом - у него лицо сводило от холода. Я молча притащил керогаз и стал его разжигать, а незнакомец сидел, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил "спасибо" и протянул руки к огню. От куртки сразу повалил пар, и запахло сыростью.

- Где это вы так? - спросил я. - Машина застряла?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

- Ага, машина.

Он совсем не походил на человека, у которого застряла машина. У него было худое веселое лицо, очень смуглое, какое-то хитрое и довольное, словно он только что кого-то очень ловко обманул или перехитрил. И весь он был ловкий, крепкий, прочно сбитый. Было в нем что-то от молодого Мефистофеля.

- Далеко? - спросил я.

- Километров пять отсюда, - сказал он. - Я зашел в Поселок, смотрю - везде спят. Ну, думаю, имею один грипп. А тут ваше окно. Я так обрадовался, ей-богу!

- Слушайте, - сказал я. - Снимите ваш балахон. Он же мокрый насквозь.

Он посмотрел на меня, подумал и стал снимать куртку. Никогда в жизни я не видел такой сложной куртки. На ней было штук двадцать молний, и

больше всего она напоминала пояс для спасения на водах. Он снимал ее минут пять, время от времени вздрагивая и судорожно поводя плечами.

- А где ваши ботинки? - не вытерпел я.

- В грязи утопил, - ответил он и опять засмеялся. - Грязь у вас здесь - прямо первобытная. Хорошо!

Под курткой у него оказалось все то же облегающее трико без ворота. Я хотел взять у него куртку и развесить в сенях, но он сказал:

- Нет, не надо, спасибо. Я так.

- Что значит - так? - удивился я. Он свернул куртку в рулон и положил у своих ног. - Так она и до утра не просохнет.

Он хихикнул.

- Не беспокойтесь, ей-богу. Мне до утра ждать не придется. Пусть здесь полежит.

И тут я заметил одну странную вещь. Эта черная рубашка у него тоже была вся в грязи. Грязь уже подсохла и отваливалась серыми струпьями. Я сразу подумал: как это так много грязи могло попасть ему под куртку? С другой стороны - глупо лазить под машиной в трико, если есть толстая стеганая куртка.

Незнакомец грел руки над керогазом и смотрел на огонь. Он задумчиво улыбался. Странное у него было лицо. По-моему, он совершенно забыл обо всем - и обо мне, и о первобытной грязи... Конечно, про машину он врал, но кому придет в голову бродить ночью под дождем в таком балетном наряде?.. Чем-то он мне нравился все-таки - может быть, по контрасту с нудным престарелым академиком... Я сказал:

- Хотите водки? - Он все еще вздрагивал и поеживался.

Он поднял на меня глаза, и я увидел, что он колеблется. Тогда я встал, сходил за водкой и принес два стакана. Он уставился на водку, затем снова посмотрел на меня.

- Знаете... - нерешительно сказал он. - Пожалуй, не стоит... - Он снова посмотрел на водку и вдруг махнул рукой. - А ну их всех! Выпью!

Он взял свой стакан, чокнулся со мной и выпил залпом. Я пододвинул ему холодные котлеты и налил еще. Он подмигнул мне, снова махнул рукой и снова выпил.

- Все равно никто не узнает, - заявил он. - А узнают, так тоже не беда.

Я заметил у него на ладони свежие царапины. Под ногтями было полно грязи, а один ноготь был сломан и надорван, и на нем запеклась кровь.

Он взял с тарелки котлету, сунул ее целиком в рот и невнятно спросил:

- Что тут у вас новенького?

- Где это - у нас?

Он немножко смешался.

- Ну здесь, в этих краях... И вообще... Я на своей машине газет не получаю.

Я сказал, что на своей даче тоже не получаю газет. Он кивнул и снова протянул руки к огню.

- А тут у вас ничего... Только холодно.

- Погода дрянная, - сказал я. - Лето называется...

- Да, погодка не летняя, - сказал он с удовольствием. - Дождь. кругом дождь. Я там влез в кусты - мокро, ужас! - Он радостно засмеялся.

Станный он был человек: грязный, мокрый, промерзший и все-таки чем-то необычайно довольный.

- Так что же у вас за машина? - спросил я иронически.

- "Победа", - быстро ответил он. Слишком быстро.

- Не вздыход?

- Да нет, пожалуй, не вздыход.

- И вас, конечно, снесло в кювет, - сказал я.

- А почему - конечно? Впрочем, действительно снесло. И представьте себе, именно в кювет... А скажите, сельсовет у вас тут есть?

Врал он весело и совершенно откровенно - он даже не пытался скрывать этого.

- Нет, сельсовета у нас нет, - сказал я медленно. - У нас дачный поселок. А зачем вам сельсовет?

Он засмеялся мне в лицо:

- А как же! Машину вытащить надо? Надо. А чем тащить? Трактором?

- Да, - сказал я неопределенно. - Действительно... Трактором.

Наступило молчание. Он смотрел на меня с откровенной насмешкой. Тогда я сказал внушительно:

- А вот милиция у нас есть. Совсем рядом - через два дома...

Незнакомец замахал на меня руками.

- Ну зачем же милиция?! - закричал он. - Давайте уж как-нибудь обойдемся без милиции!

- Давайте, - согласился я. Он мне нравился несмотря ни на что. Бдительность моя дремала.

- Славный у вас поселок, - заявил он неожиданно. - Тут дачу можно снять?

- Чего славного? - проворчал я. - Грязища да скука...

- Скука? Какая же это скука? Кругом зелень, речка, наверное, есть...

- Речка есть, - сказал я.

- Ну вот видите! И девушки здесь, наверное, приятные...

- Откуда здесь девушки, - сказал я сердито. - Одни жены дачные - поперек себя шире...

Он так и залился смехом, совершенно детским, и долго не мог остановиться, а потом вдруг настороженно прислушался и спросил:

- А до города далеко отсюда?

- Километров тридцать.

Я увидел, что вокруг его свернутой куртки натекло воды. Я нагнулся и протянул к куртке руку - он поймал меня за запястье.

- Не надо... - попросил он. Пальцы у него были горячие и твердые, как железо.

- Она же вся мокрая... - сказал я и попытался освободиться.

Он легко отвел мою руку.

- Ей-богу, не надо. Так высохнет. И потом я скоро все равно пойду.

Он отпустил мою руку.

- Куда же вы пойдете в такой дождь? - сказал я. - Оставайтесь ночевать.

Он подмигнул мне.

- А машина? Вдруг сопрут!..

- Как хотите, - сухо сказал я.

Все-таки он очень утомлял, этот странный человек. А он весело запел "Как в моем садочке...", опустил на корточки и стал разворачивать свою неприкосновенную куртку. Когда он развернул ее, откуда-то выпала маленькая черная коробочка и стукнулась об пол. Он ее сразу подхватил и сунул обратно в куртку. Я заметил только, что на коробочке горел зеленый огонек.

- Чуть не раскокал... - прошептал незнакомец и снова свернул куртку изнанкой внутрь. Я промолчал.

Он легко вскочил и бесшумно подошел к окошку. Я сидел и смотрел, как он, прижав лицо к стеклу, вглядывается в темноту.

- Это главная улица, да? - спросил он, не оборачиваясь.

Я сказал, что главная. Великолепного сложения был этот человек - стройный, плечистый, настоящий боец. Черное трико словно обливало его.

Он повернулся, несколько раз прыгнул на месте - мягко, как кот, и сказал весело:

- Вот я и обсох. Спасибо.

- На здоровье, - буркнул я и подумал, а не спросить ли у него все-таки документы. Но в эту минуту на улице взревели моторы, и в окна ударил свет прожектора.

- Прекрасно! - сказал незнакомец. - Это за мной.

Он сразу как-то подтянулся, перестал улыбаться, торопливо подобрал и набросил на плечи свою куртку и снова подошел к окну. Я увидел, что он открывает окно, и на всякий случай поднялся. На улице под дождем стояли две огромные машины на гусеницах. Послышались голоса. Незнакомец открыл окно и высунулся по пояс. "Сейчас он сунет руку в задний карман..." - подумал я и приготовился на него прыгнуть. Но он только крикнул:

- Ксан Ксаныч, я здесь!

На улице радостно заорали в несколько голосов. Послышался беспорядочный топот, зачавкала грязь. Злобно взвыла напуганная соседская дворняга. В сенях загремело - вероятно, все та же канистра, - кто-то чертыхнулся сдавленным голосом.

Незнакомец повернулся и шагнул мимо меня. Дверь распахнулась. В комнату ввалились сразу трое - удивительно, как они втиснулись. Один,

маленький, в мокром черном плаще, остался на пороге, а двое - бородатый и в очках - сразу кинулись к моему незнакомцу и принялись его обнимать.

- Жив, Вовка, жив!..

- У-у, медведь здоровый...

- Руки-ноги целы?.. Ой, не дави так!..

- А где она? - спросил незнакомец.

- Кончилась, Вова! - сказал бородатый и лихо сдвинул шляпу на затылок.

- Ничего, главное - ты у нас остался...

- ...нашли? - тут мой незнакомец употребил какое-то сложное слово, какой-то, видимо, термин, которого я не понял.

- Все, все нашли, - нежно сказал бородатый и снова обнял его. - Все нашли и еще полмешка луку в придачу!..

- Штаны твои нашли... - сказал очкастый. Маленький в черном плаще все смотрел на меня, приятно улыбаясь одними губами. У меня было такое ощущение, что я ему очень не нравлюсь.

- А я-то искал-искал, - сказал незнакомец. - Нет штанов! В грязи вывалялся как свинья. Куртку сразу нашел, а штаны - нет.

- Ну, пошли, - сказал бородатый и поволок незнакомца к выходу. Незнакомец дошел до дверей и вдруг остановился.

- Подождите, с хозяином надо проститься... - Он повернулся ко мне. - Спасибо вам за ласку, товарищ... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

Он добродушно и растроганно улыбнулся и вдруг подмигнул. Я молча поклонился. Мне было неловко. Все смотрели на меня, особенно - маленький в черном плаще. Незнакомец сунул-таки руку в задний карман, покопался там, что-то вытащил, вложил мне в ладонь и вышел. Остальные последовали за ним, разговаривая во весь голос, и даже двери за собой не закрыли.

Я поднял руку к глазам. На ладони у меня лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник. Голоса уже раздавались во дворе. Отчаянно заливалась дворняга. В голове у меня все шло кругом, и я ничего не понимал.

Вдруг кто-то сказал: "Извините". Передо мной стоял тот, в черном плаще, и приятно улыбался.

- Извините, - повторил он и осторожно взял камешек у меня с ладони.

- Что это? - спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, потом - мельком - на камешек, потом снова на меня.

- Это так... Шутка... Спокойной ночи. Простите нас за беспокойство...

Он повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

За окном взревели моторы, и свет фар снова скользнул по окну.

Я посмотрел на пустую ладонь. Шутка, подумал я. Вот так шутка... Я стоял посреди комнаты, смотрел на стол, где громоздилась история престарелого академика, на пустой табурет, на воняющий керогаз, на мокрый след неприкосновенной куртки на полу и слушал, как затихает, удаляясь, рев могучих моторов.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

БЕДНЫЕ ЗЛЫЕ ЛЮДИ

Царь сидел голый. Как нищий дурак на базаре, он сидел, втянув синие пупырчатые ноги, прислонясь спиной к холодной стене. Он дрожал, не открывая глаз, и все время прислушивался, но было тихо.

В полночь он проснулся от кошмара и сразу же понял, что ему конец. Кто-то хрипел и бился под дверью спальни, слышались шаги, позвякивание железа и пьяное бормотание дядюшки Бата, его высочества: "А ну, пусти... А

ну, дай я... Да ломай ее, стерву, чего там..." Мокрый от ледяного пота, он бесшумно скатился с постели, нырнул в потайной шкаф и, не помня себя, побежал по подземному коридору. Под босыми ногами хлюпало, шарахались крысы, но тогда он ничего не замечал и только сейчас, сидя у стены, вспомнил все: и темноту, и осклизлые стены, и боль от удара головой об окованные двери храма, и свой невыносимо высокий визг.

Сюда им не войти, подумал он. Сюда никому не войти. Только если царь прикажет. А царь-то не прикажет... Он истерически хихикнул. Нет уж, царь не прикажет! Он осторожно разжмурился и увидел свои синие безволосые ноги с ободранными коленками. Жив еще, подумал он. И б_у_д_у жив, потому что сюда им не войти.

Все в храме было синеватое от холодного света лампад - длинных светящихся трубок, протянутых под потолком. Посередине стоял на возвышении Бог, большой, тяжелый, с блестящими мертвыми глазами. Царь долго и тупо смотрел, пока Бога не заслонил вдруг плюгавый служка, совсем еще сопляк. Раскрыв рот и почесываясь, он стоял и глазел на голого царя. Царь снова прикрыл глаза. Сволочь, подумал он, гаденыш вшивый, скрутить ублюдка - и собакам, чтобы жрали... Он сообразил, что не запомнил хама как следует, но служки уже не было. Сопливый такой, хлипкий... Ладно, вспомним. Все вспомним, дядюшка Бат, ваше высочество. При отце небось сидел в уголке, пил себе потихоньку да помалкивал, на глаза боялся попасть, знал, что царь Простяга подлого предательства твоего не забыл...

Велик был отец, с привычной завистью подумал царь. Будешь великим, если у тебя в советниках ангелы Божьи во плоти. Все знают, все их видели: лики страшные, белые, как молоко, а одежды такие, что не поймешь, голые они или как... И стрелы у них были огненные, как бы молнии, кочевников отгоняли этими стрелами, и хотя метали в небо, половина орды покалечилась со страху. Дядюшка Бат, его высочество, шептал как-то, пьяно отрывая, что стрелы те метать может каждый, нужны лишь особые пращи, которые у ангелов есть и которые у них хорошо бы взять. А он еще тогда сказал - тоже был пьяный, - что раз хорошо взять, то и надо взять, чего там... И вскоре после этого застольного разговора один ангел упал со стены в ров, поскользнулся, наверное. Рядом с ним во рву нашли дядюшкина телохранителя с дротиком между лопаток. Темное это было дело, темное... Хорошо, что народ ангелов никогда не жаловал, страшно было на них глядеть, хотя и не понять, почему страшно, - ангелы были люди приветливые, веселые. Вот только глаза у них были страшные. Маленькие, блестящие, и все бегают да бегают... нечеловеческие глаза, немирные. Так народ и промолчал, хотя и дал ему отец, царь Простяга, такую волю, что вспомнить стыдно... и то сказать, отец до Переворота, говорят, шорником был. За такие разговоры я потом самолично глаза вырывал и в уши зашивал. Но помню, сядет он, бывало, под вечер на пороге Хрустальной Башни, примется кожу кроить - смотреть приятно. А я рядом примощусь, прижмусь к его боку, тепло, уютно... Из комнат ангелы поют, тихо так, слаженно, отец им подтягивает - он их речь знал, - а вокруг просторно, никого нет... не то что сейчас, стражников на каждом углу понатыкано, а толку никакого...

Царь горестно всхлипнул. Да, отец хороший был, только слишком долго не помирал. Нельзя же так при живом сыне... Сын ведь тоже царь, сыну тоже хочется... А Простяга все не стареет, мне уже за пятьдесят перевалило, а он все на вид моложе меня... Ангелы, видно, за него Бога просили... За него просили, а за себя забыли. Второго, говорят, прижали в отцовской комнате, в руках у него было по праше, но биться он не стал, перед смертью, говорят, кинул обе пращи за окно, лопнули они синим огнем, и пыли не осталось... Жалко было пращей... А Простяга, говорят, плакал и упился тогда до полусмерти - первый раз за свое царствование - искал все меня, рассказывают, любил меня, верил...

Царь подтянул колени к подбородку, обхватил ноги руками. Ну и что ж, что верил? Меру надо было знать, отречься, как другие делают... да и не знаю я ничего, и знать не желаю. Был только разговор с дядюшкой, с его высочеством.

"Не стареет, - говорит, - Простяга". - "Да, - говорю, - а что поделаешь, ангелы за него просили". Дядюшка тогда осклабился, сволочь, и шепчет: "Ангелы, - говорит, - нынче песенки уже не здесь поют". А я возьми и ляпни: "Ух это верно, и на них управа нашлась, не только на человек". Дядюшка посмотрел на меня трезво и сразу ушел... Я ведь ничего такого и не

сказал... Простые слова, без умысла... А через неделю помер Простяга от сердечного удара. Ну и что? И пора ему было. Казался только молодым, а на самом деле за сто перешел. Все померем...

Царь встрепенулся и, прикрываясь, неловко поднялся на корточки. В храм вошел верховный жрец Агар, служки вели его под руки. На царя он не взглянул, приблизился к Богу и склонился перед возвышением, длинный, горбатый, с грязно-белыми волосами до пояса. Царь злорадно подумал: "Конец тебе, ваше высочество, не успел, я тебе не Простяга, нынче же свои кишки жрать будешь, пьяная сволочь..." Агар проговорил густым голосом:

- Бог! Царь хочет говорить с тобой! Прости его и выслушай!

Стало тихо, никто не смел вздохнуть. Царь соображал: когда случился великий потоп и лопнула земля, Простяга просил Бога помочь, и Бог явился с неба комом огня в тот же вечер, и в ту же ночь земля закрылась, и не стало потопы. Значит, и сегодня так будет. Не успел дядюшка, ваше высочество, не успел! Никто тебе теперь не поможет...

Агар выпрямился. Служки, поддерживавшие его, отскочили и повернулись к Богу спиной, пряча головы руками. Царь увидел, как Агар протянул сложенные ладони и положил на грудь Бога. У Бога тотчас загорелись глаза. От страха царь стукнул зубами: глаза были большие и разные - один ядовито-зеленый, другой белый, яркий, как свет. Было слышно, как Бог задышал, тяжело, с потрескиванием, словно чахоточный. Агар попятился.

- Говори, - прошептал он. Ему, видно, тоже было не по себе.

Царь опустил на четвереньки и пополз к возвышению. Он не знал, что делать и как поступать. И он не знал, с чего начинать и говорить ли всю правду. Бог тяжело дышал, похрипывая грудью, а потом вдруг затянул тихонько и тоненько - жутко.

- Я сын Простяги, - с отчаянием сказал царь, уткнувшись лицом в холодный камень. - Простяга умер. Я прошу защиты от заговорщиков. Простяга совершал ошибки. Он не ведал, что делал. Я все исправил: смирил народ, стал велик и недоступен, как ты, я собрал войско... А подлый Бат мешает мне начать завоевание мира... Он хочет убить меня! Помоги!

Он поднял голову. Бог, не мигая, глядел ему в лицо зеленым и белым. Бог молчал.

- Помоги... - повторил царь. - Помоги! Помоги! - Он вдруг подумал, что делает что-то не так и Бог равнодушен к нему, и совсем некстати вспомнил: ведь говорили, что отец его, царь Простяга, умер вовсе не от удара, а был убит здесь, в храме, когда убийцы вошли, никого не спросив. - Помоги! - отчаянно закричал он. - Я боюсь умереть сегодня! Помоги! Помоги!

Он скрючился на каменных плитах, кусая руки от нестерпимого ужаса. Разноглазый Бог хрипло дышал над его головой.

- Старая гадюка, - сказал Толя. Эрнст молчал. На экране сквозь искры помех черным уродливым пятном расплылся человек, прижавшийся к полу. - Когда я думаю, - снова заговорил Толя, - что, не будь его, Аллан и Дерек остались бы живы, мне хочется сделать что-то такое, что ты никогда не хотел делать.

Эрнст пожал плечами и отошел к столу.

- И я всегда думаю, - продолжал Толя, - почему Дерек не стрелял? Он мог бы перебить всех...

- Он не мог, - сказал Эрнст.

- Почему не мог?

- Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

- В том-то и дело, - сказал Эрнст. - Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

Из репродуктора донесся жалобный вой. "ПОМОГИ ПОМОГИ Я БОЮСЬ ПОМОГИ..." - печатал автомат-переводчик.

- Бедные злые люди... - сказал Толя.